

ВОЙНА И МЫ

**ВАЛЕРИЙ И ВИКТОР
ЗАМУЛИНЫ**

**МИФЫ И ЛЕГЕНДЫ
ОГНЕННОЙ
ДУГИ**

Война и мы

Валерий Замулин

Мифы и легенды Огненной дуги

«Яуза»

2018

УДК 93/94
ББК 68

Замулин В. Н.

Мифы и легенды Огненной дуги / В. Н. Замулин — «Яуза»,
2018 — (Война и мы)

ISBN 978-5-9500920-3-9

5 июля 1943 г. войска вермахта перешли в наступление по плану «Цитадель» против Центрального и Воронежского фронтов. Началась грандиозная по масштабу Курская битва, ставшая последней попыткой Германии вырвать стратегическую инициативу у Советского Союза. Однако и сегодня, спустя 75 лет после ее начала, исследователями не решены в полном объеме многие ключевые проблемы ее истории, например: Как была сформирована Курская дуга? Могла ли Германия выиграть битву? Какой вклад внесла советская разведка в раскрытие планов германского командования? На эти и ряд других вопросов авторы книги дают ответы, основываясь на недавно рассекреченных документах советских войск и трофейных источниках из отечественных и зарубежных архивов.

УДК 93/94
ББК 68

ISBN 978-5-9500920-3-9

© Замулин В. Н., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Слово к читателю	6
В. Н. Замулин. «Подавай им чёрный хлеб правды. На кой чёрт она нужна, если она нам невыгодна!»	9
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Валерий и Виктор Замулины

Мифы и легенды Огненной дуги

В книге использованы фотографии из фондов: Российского государственного архива кинофотодокументов (г. Красногорск, РФ), Центрального архива Министерства обороны РФ (г. Подольск, РФ), Курского областного краеведческого музея (г. Курск, РФ), Музея-диорамы «Курская битва. Белгородское направление» (г. Белгород, РФ), Национального архива США (National Archives and Records Administration USA) (г. Вашингтон, США), Шебекинского историко-художественного музея (г. Шебекино, РФ), частных коллекций и личного собрания автора

Слово к читателю

Мой многолетний опыт исследовательской и издательской деятельности свидетельствует, что наиболее быстрой формой донесения результатов своей работы до широкой читательской аудитории и коллег по цеху являются статьи в периодических изданиях. И я, давно занимаюсь темой событий лета 1943 г. под Курском, этим способом активно пользовался, особенно в последние несколько лет. В результате накопилось определенное число публикаций, выходявших в крупных отечественных и зарубежных научных журналах. В 2015 г. пришла идея собрать под одной обложкой несколько своих работ, в которых, прежде всего, рассматривались вопросы, никогда официально не поднимавшиеся советской исторической наукой, хотя длительное время активно обсуждавшиеся в ветеранской среде и учеными в частном порядке, а так же включить в этот сборник совместную статью с моим сыном Виктором, который делает первые шаги в исследовании сражений на Огненной дуге. В 2016 г. книга вышла под названием «Курская битва. 70 лет мифов и легенд»¹ и вызвала большой интерес у любителей военной истории. В том же году она была переиздана на русском², а 2017 г. – на английском языках³.

Положительный отклик подтолкнул к подготовке расширенного по проблематике сборника, который Вы, уважаемый читатель, и держите в своих руках. В него вошли не только мои статьи, и наши общие публикации, но и самостоятельные работы Виктора, выходявшие в российских журналах из перечня рецензируемых научных изданий, который утвержден Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки РФ. Каждая из шестнадцати статей, составивших книгу, посвящена одной проблеме истории Курской битвы, которая на наш взгляд до настоящего времени в полной мере отечественными исследователями не решена. Причем, все они подготовлены на основе не вводившегося ранее в научный оборот материала из Центрального архива Министерства обороны РФ и трофейного отдела Национального архива США. Главная цель издания – представить специалистам в области военной истории и всем, кому не безразлично героическое прошлое России, результаты наших исследований за последние несколько лет. Тем самым, в преддверии 75-й годовщины Курской битвы, стимулировать интерес к ней и обсуждение её малоизученных аспектов.

Статьи в сборнике выстроены в хронологической последовательности и по содержанию их можно разделить на две группы. Первая, обобщающая, призвана ввести читателя в тему Курской битвы, т. е. кратко изложить процесс формирования историографии проблемы в нашей стране за минувшие семь десятилетий и дать общее представление о событиях, положивших начало процессу образования Курского выступа в конце января-начале февраля 1943 г., где затем развернулись ключевые события не только летней кампании этого года, но и всей войны в целом. Вторая группа статей посвящена отдельным аспектам планирования, подготовки и реализации боевых действий под Курском противоборствующими сторонами в апреле-августе 1943 г. Именно они и составили основу нашей книги.

При подготовке материалов для сборника мы широко использовали показавший высокую эффективность сравнительный анализ двух баз документов, собранных в ЦАМО РФ и NARA USA и дополненных данными из открытых источников. Он позволяет не только всесторонне, с большой детализацией представить изучаемую проблему, её отдельные элементы, но и, на наш взгляд, помогает снизить степень субъективизма в оценках. Значительное внимание в книге уделено событиям, связанным с разработкой и подготовкой военно-политическим

¹ Замулин В. Н. Курская битва. 70 лет мифов и легенд./Рецензенты д. и. н., профессор К. В. Яценко и д. и. н., профессор В. В. Коровин. М. Вече, 2016. – 480 с.

² Замулин В. Н. Курская битва. Сражение, изменившее ход истории. М. Вече, 2016. – 496 с.

³ Zamulin V.N. The Battle of Kursk: Controversial and Neglected Aspects. London. Heleon@Company, 2017. – 404 p.

руководством Германии и Советского Союза наступления вермахта в рамках плана «Цитадель» и Курской оборонительной операции Центрального и Воронежского фронтов. Особую ценность при работе по этому направлению имели обнаруженные в NARA USA материалы 9-й армии генерал-полковника В. Моделя за март-июнь 1943 г., которая в ходе операции «Цитадель» наносила удар по обороне Центрального фронта южнее Орла. Немалый интерес вызывают и документы Степного военного округа, хранящиеся в ЦАМО РФ, данные из которых также использованы в статьях сборника. Такая форма объединения своих резервов как округ (впоследствии фронт) Ставкой ВГК была опробована впервые именно перед Курской битвой и показала высокую эффективность. Стратегические резервы, укомплектованные и обученные за три месяца до начала боёв, внесли огромный вклад и в нашу победу на Огненной дуге, и в успех всей летней кампании 1943 г. Однако процесс их формирования и обучения пока изучен крайне слабо. Надеюсь, что представленные материалы будут способствовать решению этой крупной проблемы.

Особо хочу обратить внимание на статью, в которой проведен сравнительный анализ боевого пути двух бывших командующих танковыми армиями маршала бронетанковых войск М.Е. Катукова и главного маршала бронетанковых войск П.А. Ротмистрова. Их имена прочно связаны с событиями под Курском. Впервые об основных вехах их биографий на документальном материале я рассказал в монографии «Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной»⁴, посвященной срыву наступления главных сил немецкой группы армий «Юг» на обоянско-прохоровском направлении в начале июля 1943 г. войсками Воронежского фронта. За прошедшее время удалось дополнительно собрать внушительный архивный материал, который позволил уточнить ряд запутанных эпизодов с их участием в боевых действиях не только летом 1943 г., но и в других операциях. Хочется верить, что документальный рассказ об этих выдающихся людях, прошедших вместе с нашим народом тяжелейшие испытания минувшего века, поможет читателю не только глубже разобраться в отдельных сражениях Огненной дуге, но и расширить представление о других важных событиях отечественной истории.

Завершают сборник три статьи, посвященные проблемам второй фазы Курской битвы – планированию и отдельным аспектам стратегической наступательной операции «Полководец Румянцев», которая относится к числу слабо освещенных и в отечественной, и в зарубежной историографии. Даже сегодня, это одно из крупных событий минувшей войны, по-прежнему, находится в тени июльских сражений 1943 г. на юго-западном направлении советско-германского фронта. Хотя оно явилось важным этапом на пути народов Советского Союза к победе над нацизмом. В первой работе ставится задача выяснить причины решения Ставки ВГК отказаться от окружения сил 4-й германской танковой армии и армейской группы «Кемпф» в районе Белгорода и Харькова при её проведении. Во второй – проанализирован боевой и численный состав Воронежского и Степного фронтов, принявших участие в Белгородско-Харьковской наступательной операции, перед её началом, и влияние не решенных проблем с укомплектованностью войск на ход операции. А в нашей совместной работе предпринята попытка на основе рассекреченного архивного материала ответить на ряд вопросов, касающихся освобождения Белгорода. За минувшие годы отечественными учеными так и не был реконструирован на документальной основе ход штурма города войсками Степного фронта генерал-полковника И.С. Конева. Из-за этого и у профессиональных историков, и у краеведов возникали сомнения не только в достоверности даты 5 августа 1943 г., как дня избавления от оккупантов, но и накапливались вопросы в отношении ряд важных фактов и событий этого дня, о которых после войны часто писалось в военно-исторической литературе и периодической печати. Например, не понятно почему в нашем обществе закрепились точка зрения о том, что первыми в Белгород ворвались части 89 гв. сд, хотя было известно, что она развивала успех

⁴ Замулин В. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М. Яуза. ЭКСМО, 2007. – 960 с.

94 гв. сд, т. е. двигалась за ней. Или почему 305 сд, участвовавшей в боях за город лишь на его окраинах, было присвоено почетное наименование «Белгородская», а 94 гв. сд, очистившая примерно треть города от захватчиков, причем самую сложную, у реки Северский Донец, не была отмечена. Обнаруженные нами в Национальном архиве США документы войск армейской группы «Кемпф», которые удерживала город летом 1943 г. и Степного фронта из ЦАМО РФ, помогают разобраться в этих и других вопросах, накопившихся за минувшие семьдесят пять лет.

Считаю своим долгом выразить искреннюю признательность ректору Юго-Западного государственного университета (г. Курск) доктору технических наук, профессору Сергею Геннадьевичу Емельянову за поддержку наших исследований. Благодарю прекрасного учёного доктора биологических наук, профессора Алексея Борисовича Шевелёва за неоценимую товарищескую помощь в обработке собранного материала. Его вклад в это издание трудно переоценить. Благодаря неуёмной энергии, настойчивости и кропотливому труду этого замечательного человека удалось перевести и обработать все трофейные материалы, которые использовались нами в работе.

Кто хочет поделиться впечатлениями о книге или задать вопросы предлагаю писать по адресу: valery-zamulin@yandex.ru. Будем рады неравнодушным, думающим собеседникам, стремящимся узнать настоящую историю нашей страны.

Валерий Замулин,
март 2018 года

В. Н. Замулин. «Подавай им чёрный хлеб правды. На кой чёрт она нужна, если она нам невыгодна!» (опыт историографического обзора)

*Правду не спрячешь, и история останется подлинной историей,
несмотря на различные попытки фальсификации её – главным образом
при помощи умолчаний.*

Константин Симонов⁵

История Курской битвы, несмотря на минувшие более чем семь десятилетий, продолжает привлекать пристальное внимание учёных и общества. Об этом наглядно свидетельствуют и огромная библиография, накопленная в прошедшие годы, и продолжающие выходить сегодня с завидной регулярностью труды историков во многих странах мира. Однако за весь послевоенный период в нашей стране так и не был проведён её комплексный, а главное, объективный анализ. Одна из крупнейших стратегических операций Красной Армии (как, впрочем, и вся Великая Отечественная война) стала важнейшим элементом коммунистической пропаганды, её события плотно окутали мифы и легенды. Некоторые из них не удаётся окончательно развеять даже сегодня.

Начиная с первых чисел июля 1943 г., когда развернулось это грандиозное событие, вся информация о нём сосредотачивалась в двух главных центрах: Генеральном штабе Красной Армии (наиболее достоверная и полная, с целью использования для нужд армии) и средствах массовой информации (для пропагандистской работы). При этом гражданские историки от обоих каналов были далеки. Поэтому вплоть до 1960-х г., «локомотивом» в исследовании Курской битвы выступали военные учёные. И хотя результаты их деятельности в это время носили закрытый характер, тем не менее именно офицерами Генштаба были проведена главная работа по анализу событий под Курском, выводы которой легли в основу первых публикаций в нашей стране и позволили в дальнейшем начать работу гражданским научным коллективам и исследователям.

В отечественной историографии Курской битвы, на мой взгляд, выделяются четыре основных периода. Первый, начальный, продлившийся с 1943 по 1956 гг., носил характер обобщения и осмысления тех событий (прежде всего военными). Вторым (1957–1970 гг.), стал наиболее продуктивным. За эти четырнадцать лет учёным и участникам войны, хотя и с большим трудом, но удалось заложить основу для написания истории битвы. Третий (1971–1993 гг.), хотя и был самым продолжительным за время существования СССР, оказался безликим и малосодержательным в силу начавшейся «управляемой деградации» военно-исторических исследований, из-за бездумной и безудержной идеологизации этой сферы научной деятельности. Началом отсчёта четвертого этапа, который продолжается и сегодня, можно считать 1993 г. В это время исполнился полувековой юбилей битвы и, согласно архивному законодательству, начался процесс рассекречивания фондов Центрального архива Министерства обороны РФ за 1943 г. Исследователи получили доступ к главному источнику информации – оперативным, отчётным и трофейным документам действующей армии, без которых невозможен достоверный и комплексный анализ тех событий.

В начальном периоде историографии чётко выделяется её «военный» этап, продлившийся с 1943 до 1947 г.

⁵ Лазарев Л.И. Последняя работа К.М. Симонова//Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Книга, 1990. С.13.

В это время изучение Курской битвы шло по восходящей линии – от газетных и журнальных публикаций, к статьям в сборниках Генерального штаба по обобщению опыта войны и книгам по отдельным сражениям. Завершился этот этап успешным написанием военными специалистами двухтомной монографии, которая хотя и не была рекомендована для издания, имела существенное влияние на дальнейшую научно-исследовательскую работу.

Первыми историографами битвы под Курском следует считать советских военных журналистов. Уже в первой половине июля 1943 г., в ходе отражения наступления германской армии по плану «Цитадель», в центральных газетах появились большие очерки и статьи на эту тему. Их авторы описывали в основном отдельные сражения и бои, героизм советских воинов, а в некоторых даже были попытки обобщить опыт, полученный Красной Армией во время успешной операции, проведённой летом. Так как до этого момента весомых результатов именно в летний период советским войскам добиваться не удавалось. Тогда же у журналистов в оборот вошло название, которое впоследствии стало своеобразным «брендом», – «Курская дуга». Сегодня этим словосочетанием называют и конфигурацию линии фронта западнее Курска, сложившуюся к концу марта 1943 г., и битву, произошедшую здесь летом того же года. Впервые же в открытой печати оно было использовано в заглавии статьи журналиста главной армейской газеты «Красная Звезда» Б.А. Галина⁶ «На Курской дуге»⁷, которая была напечатана 15 июля 1943 г. И лишь потом его подхватили другие авторы. А до её выхода в печати этот район именовался орловско-курским и белгородским направлениями. Осенью 1943 г. к освещению событий на Огненной дуге подключились журналы для пропагандистов и армейские специализированные издания – «Большевик», «Вестник воздушного флота», «Журнал автобронетанковых войск», «Военный вестник» и т. д.

Следует особо подчеркнуть, что в этих публикациях (и газетных, и журнальных), как правило, они носили строго пропагандистскую направленность, поверхностный, повествовательный характер, который отличал все военные публикации открытой печати Советского Союза той поры. Кроме того, нельзя не отметить, что их авторы, журналисты всех уровней (армейских, фронтовых и центральных изданий), являясь, как они именовались в документах советских партийных органов, «бойцами идеологического фронта», не только в силу цензурных ограничений, но и нередко по личным соображениям допускали искажения фактов и даже придумывали целые боевые эпизоды. Эта пагубная тенденция возникла с первых дней войны и уже через полгода набрала настолько большую силу, что даже некоторые трезвомыслящие руководители военно-политической работы в вооружённых силах были вынуждены отмечать её крайне отрицательное влияние на эффективность пропаганды, т. е. уровень доверия к ней со стороны войск. Из директивы заместителя Народного комиссара ВМФ, начальника Главного политуправления ВМФ, армейского комиссара 2-го ранга Рогова № 1с от 22 января 1942 г.: *«На кораблях и частях флота за последнее время имеет большое распространение всякого рода вранья и ложь... Случаи вранья, всякого рода выдумки, подчас неправильные и политически вредные измышления отдельных политработников имеют место в агитационно-пропагандистской работе и флотской печати. Некоторые политработники вместо решительной борьбы с враньём и вредной отсебятиной в пропаганде и агитации сами иногда допускают в своих выступлениях, высказываниях и даже в печати ложные сообщения и выдуманные факты.*

⁶ Галин (настоящая фамилия – Роголин) Борис Абрамович (1904–1983), советский прозаик и журналист. Лауреат Сталинской премии 3-й степени (1948). С 1934 г. работал в газете «Правда». С 1941 по 1945 гг. – спецкорреспондент главной армейской газеты «Красная Звезда» на Западном, Южном, Северо-Кавказском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах. За мужество и отвагу при выполнении профессионального долга в действующей армии был награжден орденами «Красная Звезда» (1943), Отечественной войны 2-й степени и медалями.

⁷ Красная Звезда/1943. 15 июля. С. 4.

...В газете «Красный Черноморец» в одной из статей было сказано, что на крейсер «Коминтерн» было сброшено больше 1000 бомб, в другой статье той же газеты, помещённой на 2 дня позже, уже говорилось «около 2000 бомб», и оба эти сообщения были неверными. Враньё и ложь в пропаганде, агитации и печати дискредитируют партийно-политическую работу, флотскую печать и наносят исключительный вред делу большевистского воспитания масс.

Эти позорные и вредные явления вранья, в каких бы формах они ни проявлялись, не могут быть терпимы на кораблях и в частях Военно-Морского флота и должны быть беспощадно искоренены»⁸.

Однако подобные документы коренным образом изменить ситуацию не могли. Легенды и мифы продолжили занимать значительное место в советской периодической печати военной поры, а затем значительная их часть плавно перекочевала в брошюры, книги и даже диссертации, посвящённые истории Великой Отечественной. Причин этого несколько, назову лишь две наиболее очевидных, на мой взгляд. Во-первых, значительная часть крупных руководителей, отвечавших за эту отрасль военно-политической работы, считала, что для создания «потёмкинских деревень», которым в основном и занималась пропаганда, подобный метод в определенной мере был вполне допустим. Во-вторых, советская военная журналистика испытывала острый дефицит квалифицированных кадров, да и просто хорошо образованных людей. Поэтому с первых дней войны в действующую армию был направлен не только цвет советской литературы, но и значительное число обычных журналистов из сугубо гражданских газет и журналов, которые, естественно, не могли знать всей армейской специфики, да и не горели желанием изучать её в войсках на передовой, под свистом пуль. Поэтому часто именно в тиши кабинетов и рождались статьи со сказочными героическими сюжетами, описывавшие «беспримерные подвиги» воинов Красной Армии.

Но вернёмся непосредственно к историографии событий под Курском. К их изучению на документальном материале и доведению первых результатов этой работы до относительно широкой аудитории (старшего командного состава) Генеральный штаб Красной Армии приступил осенью 1943 г. Первые серьёзные обобщающие материалы публикуются в № 1 (за ноябрь) 1943 г. нового издания – «Информационного бюллетеня отдела по обобщению опыта войны» и «Сборника материалов по изучению опыта войны» (далее «Сборник...»), которые выходили в конце 1943 г. и начале 1944 г. «Сборник...» издавался с 1942 по 1948 г., и по объёму и по диапазону затрагиваемых в нём тем он значительно превосходил «Бюллетень...», хотя целевая аудитория обоих изданий была одна – старший командный состав армии и преподаватели военно-учебных заведений. В № 9-11 «Сборника...» впервые были опубликованы материалы, посвящённые как частным операциям в период весенней оперативной паузы (описанию боя подразделений 148-й сд 13-й А по захвату опорного пункта Глазуновка в мае 1943 г.), так и важным эпизодам самой битвы (оборонительным боям 19-го тк 2-й ТА 7-10 июля 1943 г. на рубеже Самодуровка-Молотычи, контрудару войск Воронежского фронта 12 июля 1943 г.).

Сборник № 11 был тематическим, полностью посвящённым «Курской битве». Благодаря обобщению значительного боевого опыта на богатом документальном материале для того времени это был крупный, глубокий труд, состоявший из 10 глав и 27 схем общим объёмом 216 страниц. Изначально его авторы преследовали лишь практическую цель: «ознакомить широкие читательские круги генералов и лиц офицерского состава с некоторыми материалами и предварительными выводами из этой важнейшей и весьма поучительной операции»⁹. Однако по сути это явилось первой попыткой офицеров Генштаба заложить прочный фундамент для дальнейшего научного анализа этого крупнейшего события войны. В «Сборнике...» довольно

⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 17–6 (1–2). Т. 2. М.: Терра, 1996. С. 42.

⁹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 11. М.: Воениздат, 1944. С. 5.

обстоятельно изложен ход событий, показана их внутренняя взаимосвязь, дана в основном правильная оценка принимавшимся решениям. Прикладной характер исследования в значительной мере избавил авторов от перекосов и натяжек в описании боевых действий на всех участках Курской дуги, в том числе и тех, что в скором времени будут мифологизированы и включены в систему пропаганды достижений советской власти. Например, в описании контрудара 12 июля 1943 г. на Воронежском фронте откровенно указано на ряд существенных неудач и просчётов, допущенных советской стороной. Во-первых, на то, что 5-я гв. ТА генерал-лейтенанта П.А.Ротмистрова в этот день задачу не выполнила. Во-вторых, что *«по решению командующего, 5-я гвардейская танковая армия наносила фронтальный удар по отборным танковым дивизиям немцев, не имея существенного превосходства в силах, что могло привести в лучшем случае к выталкиванию противника»*¹⁰. И хотя это решение было принято не командармом, а руководством Воронежского фронта и Генштабом (именно они утвердили боевое построение армии и место её развёртывания), а перевес в силах над противником в действительности был (и значительный), но использовать его оказалось невозможно из-за условий местности, тем не менее одна из главных ошибок, изначально заложенная в плане подготовки контрудара, в «Сборнике...» указана чётко.

В-третьих, авторы обошли молчанием уже тогда существовавшее мнение о грандиозном танковом сражении под Прохоровкой, в котором участвовали якобы 1500 танков и САУ. Они не стали преувеличивать и без того высокие цифры, приведенные в отчёте 5-й гв. ТА, и честно указали, что враг за пять суток боёв (а не за 12 июля 1943 г., как потом будут утверждать П.А.Ротмистров) потерял около 300 танков¹¹. Хотя и эти данные явно спорные.

В-четвертых, в «Сборнике...» была высказана обоснованная критика и других решений командования Воронежским фронтом, связанных с использованием крупных танковых объединений в обороне¹², и приведён большой массив статистического материала. К сожалению, эти и другие объективные оценки не найдут своего отражения в послевоенных работах советских ученых, их место займут победная риторика и дутые цифры.

Вместе с тем, это издание стало родоначальником ряда легенд. Например, о якобы использовании немцами противотанковых самоходных орудий «Фердинанд» в полосе Воронежского фронта, в том числе и под Прохоровкой, или о локализации прорыва полосы 5-й гв. А в излучине р. Псёл¹³ двумя бригадами армии Ротмистрова вечером 12 июля 1943 г. Кроме того, в нём не совсем ясно определена причина несвоевременного перехода 19-го тк в контрудар 6 июля 1943 г. в полосе Центрального фронта. В одном месте авторы отмечают, что корпус был не готов к выполнению задачи не только утром, но и к полудню из-за отсутствия карт своих минных полей на участке ввода¹⁴, а чуть ниже – из-за того, что комкор, якобы получив сведения о неудаче соседнего 16-го тк, решил воздержаться от атаки¹⁵.

На основе разработок, включённых в «Сборник...» № 11, который имел гриф «Для служебного пользования»¹⁶, в середине 1944 г. офицером Генштаба подполковником И.В.Паротькиным¹⁷ была подготовлена и опубликована в двух номерах «Исторического журнала» работа

¹⁰ Там же. № 11. М.: Воениздат, 1944. С. 150.

¹¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 11. М. Воениздат, 1944. С.153.

¹² Там же. С. 155.

¹³ Там же. С. 148, 157.

¹⁴ Там же. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 136.

¹⁶ Не секретные, но и свободного доступа к ним не было.

¹⁷ Паротькин Иван Васильевич (1909–1974), генерал-майор (1966), канд. военных наук (по военной истории). В Красной Армии с 1931 г. В 1937 г. – слушатель, а с 9.05.1940 г. – адъютант ВА им. М.В. Фрунзе. Участник советско-финской войны. С 10.07.1941 г. – в распоряжении зам. Наркома обороны СССР маршала Советского Союза С.М. Буденного. 30.07.1941 г. назначен помощником начальника оперотдела штаба Юго-Западного направления, а после его расформирования служил в прежней должности в штабе Юго-Западного фронта. С 4.05.1942 г. – старший помощник начальника оперотдела штаба Юго-

«Битва под Курском»¹⁸, ставшая первой научной статьёй об этом грандиозном событии в открытой печати СССР. В ней довольно подробно были описаны боевые действия и сделана попытка дать ряд важных оперативно-стратегических выводов. Кроме того, благодаря этой публикации в отечественной историографии за боями на Огненной дуге закрепилось название – «Курская битва».

В 1943–1945 гг. для доведения успехов Красной Армии до широкой армейской и гражданской аудитории военными историками был выпущен ряд небольших книг в мягкой обложке, фактически брошюр, о крупных операциях советских войск и флота. «Курская битва. Краткий очерк»¹⁹ (далее – «Краткий очерк»), увидевший свет в 1945 г., как и все издания этой серии, имел строго пропагандистскую направленность. Поэтому хотя он и стал первой отдельной работой о битве, заметного влияния на осмысление учёными и обществом переломного этапа Великой Отечественной войны не оказал. В нем давалось лишь поверхностное представление о сражениях, приводился ряд ошибочных оценок, толкований и фактов, которые, к сожалению, до сегодняшнего дня кочуют по страницам книг и периодических изданий. Так, авторы безосновательно утверждали, что, по мнению германского командования, после успеха «Цитадели» *«возникнет выгодная предпосылка для дальнейшего развития наступления немцев в глубь Советского Союза – на Москву»*²⁰. Хотя в известном оперативном приказе Гитлера № 6 отмечалось, что если обстановка будет развиваться по намеченному плану, то вермахту наступать следует на юго-восток, то есть в тыл Юго-Западному фронту (операция «Пантера»). В брошюре впервые для широкой аудитории был представлен и миф о грандиозном Прохоровском сражении, в котором *«с обеих сторон одновременно участвовало свыше 1500 танков»*²¹. Новым, важным моментом этого издания явилось то, что его авторы впервые в отечественной литературе дали периодизацию Курской битвы. Это событие разбивалось на два этапа: оборонительный период, длившийся с 5 по 23 июля, и контрнаступление – 12 июля – 23 августа, целью которого стал разгром орловской и белгородско-харьковской группировок неприятеля. Тем не менее, несмотря на невысокое качество и откровенно пропагандистский характер, по оценке некоторых советских исследователей, «Краткий очерк» *«довольно длительное время оказывал влияние на разработку истории Курской битвы»*.²²

В этот же период с целью распространения в войсках успешного опыта решения конкретных боевых задач частями и подразделениями всех родов войск большими тиражами печатались различные брошюры с описанием тактических примеров и удачных боев, в том числе и в период Курской битвы. Нацеленность на армейскую аудиторию придавала их материалам две важные особенности. Положительным являлось то, что они готовились только на основе боевых документов, это позволяло авторам описывать события и делать выводы с высокой долей достоверности. В них обязательно включались и положительные, и отрицательные примеры деятельности войск, удачные решения командиров с точной привязкой к местности и упоминались полные названия населённых пунктов и высот. В условиях войны и повышенных

Западного, затем Донского и Центрального фронтов. 22.03.1943 г. майор И.В. Паротькин направлен в Генштаб по изучению опыта Отечественной войны (начальник генерал-майор П.П. Вечный), где прослужит до 1960 г. С 11.07.1943 г. назначен научным сотрудником этого отдела. Первое его исследование в новой должности, опубликованное Генштабом, – «Елецкая операция 6-16 декабря 1941 г.», затем, в 1944 г., вышла в свет статья «Битва под Курском». За боевые заслуги в годы войны награждён орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени (13.06.1945) и Отечественной войны 2-й степени (19.03.1943). В 1952–1954 г. – слушатель ВА им. К.Е. Ворошилова. С 1961 г. полковник И.В. Паротькин – ст. преподаватель, затем зам. начальника кафедры ВА Генштаба, а с 11.03.1968 г. – зам. начальника ИВИ МО СССР.

¹⁸ Паротькин И.В. Битва под Курском//Исторический журнал. 1944. № 7, 8.

¹⁹ Битва под Курском. Из опыта боёв Отечественной войны/ Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной Армии. М., 1945.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ Там же. С. 20.

²² Военно-исторический журнал//1963. № 7. С. 98.

мер секретности это было необычно, информация из этих изданий явилась ценной для дальнейшего изучения содержания событий под Курском. К сожалению, на тот момент эта литература относилась к категории секретной, поэтому не была доступна для гражданских историков, а те, кто получал пропуск в военные библиотеки, давали подписку о неразглашении данных. Поэтому ни о публикациях с привлечением этих источников, ни об обмене информацией между исследователями речи быть не могло, что существенно осложняло начало комплексного анализа событий лета 1943 г. и отсрочило научную разработку истории Курской битвы. Тем не менее проводившаяся до конца войны военно-историческими подразделениями Красной Армии большая работа по накоплению и систематизации материала имела важное значение для дальнейшего изучения битвы на Огненной дуге в силу её прямой связи с практической боевой деятельностью войск. Именно в это время был создан серьёзный задел и для разработки истории Великой Отечественной войны в целом.

Вместе с тем нельзя не отметить и ряд отрицательных факторов, которые в это время серьёзно влияли и на качество, и на масштаб исследований военных историков. Во-первых, это узость базы источников. Работа велась в основном с отчётными материалами, поступившими из войск сразу после операций. Во-вторых, малочисленность военно-исторических органов, по сути, он был один, работающий на реальный результат (публикации, лекции и т. д.), – это отдел Генштаба, в котором числилось лишь 15 старших офицеров, невысокий уровень квалификации его сотрудников (в большинстве своем это были обычные строевые офицеры, имевшие определенный уровень образования и боевой опыт) и отсутствие у них необходимых навыков для обобщения информации о крупных (стратегических) операциях. В документах первого Всеармейского совещания сотрудников военно-исторических отделов в Москве осенью 1943 г. отмечалось: *«Вопросу подбора и выращивания кадров не везде уделяется достаточно внимания. Нередко к изучению опыта войны привлекаются офицеры со слабой оперативно-тактической подготовкой. Конечно, в условиях военного времени исключается возможность полностью обеспечить изучение опыта войны подготовленными к исследовательской работе офицерами. Поэтому предназначенным на эту работу молодым офицерам нужно оказать на первых порах повседневную практическую помощь. Между тем старшие начальники, к сожалению, делают это не везде.*

Типичным является некомплект офицеров групп по изучению и использованию опыта войны в штабах фронтов и армий в пределах 25 %.

Обращает также на себя внимание и тот факт, что инициативная, творческая работа офицеров-опытников²³ не всегда находит должную оценку и поддержку со стороны старших начальников»²⁴.

В-третьих, закрытость военной науки и невозможность привлечения квалифицированных гражданских кадров для разработки военных тем. Кроме того, крайне негативное влияние оказывал культ личности. Например, авторы книги «В боях за Орёл» главной и основной причиной победы в битве под Курском называли *«глубоко продуманные, до предела точные и реальные планы нашего Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина»²⁵*. Этот тезис красной нитью проходит практически через все публикации конца 1940-х-начала 1950-х гг. Он лишал историков возможности реально оценивать планы советского командования не только на стратегическом, но и на оперативном уровне, результаты боевой работы Красной Армии в ходе битвы, а тем более высказывать критические замечания. *«В целом же, – писал ведущий советский специалист по Курской битве полковник Г.А. Кол-*

²³ Так в обиходе именовались офицеры отделов и групп по изучению и использованию опыта войны в штабах действующей армии.

²⁴ Информационный бюллетень. Отдел по использованию опыта войны Генерального штаба. 1943. № 1. С. 6, 7.

²⁵ В боях за Орёл/Под общей редакцией Н.А. Таленского. М.: Госполитиздат, 1944. С. 29.

тунов, – для всей вышедшей в годы войны литературы по истории Курской битвы характерно было, то, что в ней эта битва показывалась как один из важнейших этапов на пути полного разгрома немецко-фашистских захватчиков. События рассматривались в самых общих чертах..., во всех работах опускалось соотношение сил и содержание боевых приказов. Мало уделялось внимания и вопросам военного искусства»²⁶.

Сразу после разгрома нацистской Германии обобщение опыта войны продолжилось, но уже на более высоком уровне. Руководство Вооруженных сил СССР считало его важным средством по совершенствованию форм и методов управления войсками. Заметно увеличилось число военно-исторических отделов в штабах родов войск. К этому процессу активно подключились военно-учебные заведения. Так, например, только в одной из ведущих военных академий им. М.В. Фрунзе в 1947–1950 гг. предмету «История военного искусства» в программе подготовки строевых офицеров отводилось 550 академических часов. Для сравнения, в учебном плане Академии Генерального штаба РФ на 2010 г. – только 124 часа²⁷. Специально для подготовки военных историков и повышения их квалификации в этой академии был создан военно-исторический факультет, на котором в первые 5–6 лет после окончания войны прошел подготовку ряд офицеров-фронтовиков, впоследствии сформировавших небольшую когорту ученых, которым будет суждено начать масштабную разработку истории Курской битвы. Среди них в первую очередь следует назвать генерал-майора И.В. Паротькина, полковников Г.В. Колтунова, И.И. Маркина, Д.М. Палевича, Б.Г. Соловьева.

Главным координирующим центром военно-исторических исследований по-прежнему являлся Генеральный штаб. В 1946–1947 г. его сотрудниками была предпринята первая попытка подготовить фундаментальный научный труд по истории событий под Курском. Для этого были использованы наработки отдела по обобщению и использованию опыта Отечественной войны Генштаба под руководством генерал-майора П.П. Вечного за 1943–1945 гг. Рукопись будущей книги готовилась на обширной документальной базе, отличалась большой степенью детализации боевых действий на уровне полк – дивизия и насыщенностью статистическим материалом. В ней впервые была дана периодизация некоторых сражений, в частности, Прохоровского, которая довольно точно отражает суть происходившего летом 1943 г. Однако авторы не использовали материалы по стратегическому планированию (документы Генштаба и Ставки ВГК) и мало привлекали трофейные источники. Это не позволило им достоверно и детально раскрыть суть плана «Цитадель», определить дальнейший замысел Берлина в случае успеха операции, дать точную оценку численности и качества привлекавшихся частей и соединений вермахта для её реализации и их потери как на отдельных этапах, так и в ходе битвы в целом, провести всесторонний стратегический анализ решений и действий противоборствующих сторон. Но главное – в исследовании не был найден приемлемый баланс между материалом описательного и аналитического характера.

Некритичный подход к имевшимся в распоряжении авторов источникам (главным образом отчёты корпусов, армий и фронтов) привёл к тому, что в исследовании был допущен ряд ошибок, преувеличение сил сторон в некоторых сражениях (например, 12 июля 1943 г. под Прохоровкой), недостаточно тщательно проработаны отдельные аспекты важных событий битвы (неверно изложены действия 5-й гв. ТА 10 июля 1943 г.), отсутствовали развёрнутые выводы и оценки по результатам ряда ключевых боёв и важных мероприятий командования армий и фронтов. Вместе с тем, как справедливо отметил на совещании в Генштабе в мае 1948 г. при обсуждении этого труда полковник В.А. Савин, авторы попытались сгладить отри-

²⁶ Колтунов Г.А. Военно-историческая литература о битве под Курском// Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 97, 98.

²⁷ Гареев М.Л. Сражения на военно-исторических фронтах/Сборник статей. М.: ИНСАН, 2010. С. 22.

пательные стороны и ошибки, допущенные советской стороной на всех стадиях этого грандиозного события²⁸.

Эта работа стала первым и, к сожалению, единственным фундаментальным исследованием на документальном материале по данной проблематике в нашей стране за весь послевоенный период, да к тому же с минимальной идеологической составляющей. Первоначально предполагалось, что она станет основой для многотомного издания, и материал, подготовленный авторским коллективом, имел все основания после доработки претендовать на это. Однако руководство Генерального штаба и ЦК ВКП(б) не видело смысла в переработке рукописи, из-за того что авторы представили Курскую битву не как грандиозное военно-историческое событие Второй мировой войны и мировой военной истории, в котором Советский Союз играл ключевую роль, а лишь как успешную боевую операцию Красной Армии. Именно это не позволило реализовать первоначальный замысел. Хотя материалы из неё (выводы, факты, статистические данные) широко использовались в трудах советских военных историков вплоть до начала 1990-х годов, но по причине секретности ссылка в открытой печати не давалась.

Прекращение деятельности группы и передача уже почти готового труда в архив негативно повлияли на разработку как истории переломного этапа войны, так и на всю деятельность советских ученых по изучению Великой Отечественной. В это время изучение Курской битвы фактически было закрыто для гражданских историков и отдано на откуп органам пропаганды, а наработки военных скрыты под грифом секретности. Широкая общественность получала информацию о ней лишь из куцых публикаций сомнительного качества в таких специфических изданиях, как «Пропагандист и агитатор Министерства обороны СССР», «Блокнот агитатора Советской Армии», «Красный воин» и т. п. Поэтому вплоть до второй половины 1950-х годов добротного научного исследования по данной тематике в нашей стране подготовлено не было. Вся открытая литература о битве носила поверхностный характер и была призвана доносить до советских людей лишь определённый ещё в 1945 г. в «Кратком очерке» объём строго дозированной информации.

Причин этого несколько, главными, оказывавшими наиболее существенное влияние на протяжении всего послевоенного периода, были две: идеологическая целесообразность и личные пристрастия первых лиц СССР, их оценки событий минувшего. До начала 1953 г. изучение Великой Отечественной находилось в «замороженном состоянии», анализом её отдельных аспектов в прикладных целях занимались лишь военные. Сразу после Победы И.В. Сталин запретил издание любых сборников воспоминаний и исследований о войне для широкой аудитории, аргументируя это тем, что прошло мало времени и объективно оценить столь грандиозное событие пока невозможно²⁹. В действительности же вождь хотел как можно быстрее забыть, «сдать в архив» всё, что было связано с периодом 1941–1945 гг., когда им лично было допущено столько крупных ошибок и просчётов. Напомню, именно в это время 9 мая перестаёт быть «красным днем календаря». Тем не менее на излёте сталинской эпохи некоторые сражения под Курском все-таки нашли своё отражение даже в научных трудах военных историков. Например, в конце 1952 г. полковник Д.Я. Палевич³⁰ успешно защитил диссертацию на

²⁸ Сборник материалов военно-исторического управления Генерального штаба ВС. Вып. 1. М., 1949. С. 154.

²⁹ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1988. С. 306.

³⁰ Палевич Дмитрий Яковлевич, полковник, кандидат исторических наук (1952), доцент (1954). Родился 8.11.1917 г. в Брянске. В Красной Армии с 1936 г. После окончания в 1939 г. Горьковской бронетанковой школы командовал танковым взводом, служил адъютантом танковой роты, нач. штаба отдельного танкового батальона. Участник советско-финской войны. 12.09.1941 г. – слушатель командного факультета ВА БТ и МВ. 11.10.1941 г. – помощник начальника штаба по разведке 25-го тп 5-й А Западного фронта. 26.10.1941 г. – тяжело ранен. 26.10.1942 г. – старший преподаватель Ленинско-Кузнецкого пулемётного училища СибВО. 6.5.1943 г. – пом. Начальника отдела Управления формирования БТ и МВ. 6.11.1943 г. – нач. штаба 1460-го сап. 2.03.1944 г. – преподаватель военно-политических курсов при Политуправлении РККА. 7.12.1946 г. – слушатель военно-исторического ф-та ВА им. Фрунзе. 19.11.1948 г. – 7.12.1972 г. – на преподавательской работе в ВА им. Ленина. С 7.12.1972 г. – в запасе.

соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме: «*Контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой в июле 1943.*»³¹. Однако, как и все военные разработки этого время, она имела гриф «для служебного пользования», т. е. доступ к ней был крайне ограничен, поэтому не могла появиться в открытой печати. Этим долгое время успешно пользовались идеологические органы и недобросовестные авторы, штампуя, развивая и совершенствуя всякого рода мифы и легенды о событиях на Огненной дуге.

С середины 1950-х годов интерес нашего общества к недавнему прошлому стал заметно усиливаться. Важным «индикатором» этого стало появление мемуарной литературы и резкий рост её тиражей в последующие годы. Однако государственными органами, имевшими отношение к исторической науке и пропаганде её результатов, основное внимание уделялось первому периоду войны, Московской и особенно Сталинградской битвам. Этому способствовало и колоссальное влияние тех событий на исход борьбы с фашизмом, и их трагический окрас, а главное – многие из крупных фигур тогдашнего руководства СССР и армии имели к ним прямое отношение и считали участие в тех событиях существенной вехой своей карьеры.

Завершая обзор первого периода историографии, нельзя не упомянуть важную тенденцию, возникшую в первой половине 1950-х г. Сразу после смерти И.В. Сталина в СССР начинают печататься книги генералов и фельдмаршалов гитлеровской Германии. Причем первыми увидели свет работы тех, кто по долгу службы в вермахте имел отношение к Курской битве. Так, в 1954 г. печатаются мемуары творца германских бронетанковых войск, участника планирования и подготовки операции «Цитадель» Г. Гудериана «Воспоминания немецкого генерала»³², а через три года «Воениздат» выпускает сразу две книги воспоминаний бывших: командующего ГА «Юг» Э. фон Манштейна «Утерянные победы»³³ и напальника штаба 48-го тк генерала Ф. фон Меллентина «Танковые сражения 1939–1945»³⁴. Несмотря на то что эти книги (на русском языке) имели гриф «для служебного пользования»³⁵, их появление сыграло положительную роль в расширении представления советских учёных о событиях лета 1943 г. Благодаря им впервые был приоткрыт занавес над процессом подготовки «Цитадели», а также стали известны мнения и оценки ключевых фигур вермахта по ряду важных проблем планирования и проведения летней кампании 1943 г. Интересны были и оценки уровня подготовки личного состава Красной Армии, прежде всего её командования, сильных и слабых сторон советских войск, нашим бывшим противником. И хотя советские историки в то время были обязаны только «искать соринки во вражеском глазу», тем не менее это был ценный материал как для научного анализа всего, что было связано с Курской битвой, так и для конструктивной критики «идеологических противников». Эта положительная тенденция сохранялась и в последующие годы, но в 1960–1980 годы у нас издавались, к сожалению, лишь мемуары, авторы которых не участвовали в сражениях под Курском. Тем не менее в условиях крайнего дефицита информации о военной организации нацистской Германии эти труды стали важным источником для наших ученых, в том числе и по исследуемой нами тематике.

Подводя некоторые итоги за 14 лет, прошедших с момента Курской битвы, следует отметить две важные разнонаправленные тенденции, возникшие в это время. Во-первых, военными историками была проделана, безусловно, большая работа по обобщению документального материала (в том числе и трофейных источников) и первичному анализу событий. Наиболее существенным результатом этого бесспорно явился двухтомник, подготовленный офицерами

³¹ Палевич Д.Я. Контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой в июле 1943 года. Дисс... канд. ист. наук. М., 1952.

³² Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне 1939–1941. М.: Воениздат, 1954.

³³ Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957.

³⁴ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. М.: Воениздат, 1957.

³⁵ Не секретные, но и свободного доступа к ним не было.

Генштаба. Созданная основа, позволяла даже в условиях жестких идеологических рамок, изоляции советских учёных от западных исследований и основной массы трофейных источников перейти на новый качественный уровень – к изучению темы в широком стратегическом плане и подготовки фундаментального научного труда, не только в интересах армии, но и для широкого круга читателей.

Во-вторых, в связи со смертью И.В. Сталина и последовавшими за этим событиями в руководстве армией изменилось отношение к военно-исторической науке вообще и, в частности к работе по анализу опыта Великой Отечественной войны. Она была признана неактуальной. В конце 1953-го – в первой половине 1954 г. произошло существенное сокращение военно-исторических структур и кафедр истории войны и военного искусства в военных учебных заведениях. Значительная часть квалифицированных кадров уволена или направлена в другие сферы деятельности. Учитывая, что настоящие научные исследования в это время проводились исключительно военными, изучение Курской битвы также было в основном свёрнуто, а авторы работ, вышедших из печати в 1954–1958 годах, использовали уже имевшиеся наработки. В этой связи как пример можно отметить успешную деятельность ВА им. Фрунзе по изданию многотомного труда «Курс лекций по военному искусству», в котором были отражены в том числе и крупные вопросы битвы под Курском. Так, например, в его шестом томе (опубликован в 1957 г.) приведён анализ контрудара войск Центрального фронта 6 июля 1943 г.

Новый, второй, период изучения Курской битвы начался в 1957 г. и был связан с XX съездом КПСС, который открыл недолгий, но динамичный и интересный отрезок в общественной жизни СССР, получивший название «хрущёвская оттепель»³⁶. В исторической науке это время характеризовалось разнонаправленностью тенденций в изучении как всей войны, так и отдельных её битв и сражений. С одной стороны, заметно увеличились масштаб и качество военно-исторических исследований, начали формироваться новые подходы к анализу событий 1941–1945 гг. Расширились направления работы советских учёных, увеличилась проблематика их публикаций, в научный оборот начали вводиться новые документальные источники, в том числе и трофейные материалы, что способствовало накоплению значительного объёма знаний о переломном этапе войны. Важной чертой этого периода стал некоторый отход отечественных историков от одностороннего показа событий, анализ боевых действий в их развитии с привлечением западных источников, изучение проблем и просчётов, допущенных при планировании и проведении крупномасштабных операций как политическим руководством страны, так и армейским командованием на всех уровнях. Вместе с тем, к завершению этого этапа чётко обозначилась тенденция отхода от принципов, выработанных в период «оттепели». Вместо вскрытия проблем, анализа их причин и того, как они исправлялись (или нет), историки перейдут к «сглаживанию острых углов» и наведению «победного лоска». Эти тенденции найдут отражение и в противоречивых выводах по крупным проблемам событий лета 1943 г. под Курском.

Изменения в жизни страны сразу после съезда, несмотря на широкий резонанс и довольно существенную поддержку в широких слоях общества, которые получили его решения, шли робко, с оглядкой, под жёстким неусыпным контролем коммунистической партии и её идеологических органов. Все серьёзные проблемы, в том числе и в области общественных наук, как и раньше, решались только директивным путём. Поэтому и ключевую роль в активизации исследований о Курской битве сыграло заявление первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущёва, сделанное им на партийном пленуме в октябре 1957 г. В выступлении на этом представительном форуме, где глава государства наглядно продемонстрировал свою силу в борьбе за абсолютную власть, отправив в отставку обладавшего большим авторитетом маршала Совет-

³⁶ Это словосочетание вошло в оборот после публикации в 1954 г. книги И. Эренбурга «Оттепель» и обозначило недолгий период реформ, проводимых первым секретарём ЦК КПСС Н.С. Хрущёвым и его сторонниками.

ского Союза Г.К. Жукова, он коснулся и проблем исторической науки. Никита Сергеевич, сам участник войны, в том числе и битвы на Огненной дуге, тогда счёл необходимым высказать своё мнение и о том, «в каком ключе» теперь следует рассматривать крупные вопросы истории Великой Отечественной, которая по-прежнему оставалась важным фактором общественно-политической жизни СССР, а значит, и идеологической работы партии. *«После Сталинграда началось наступление наших войск, по-другому протекала битва по окончательному разгрому врага, – подчеркнул он. – Но мне кажется, что окончательное превосходство и перелом в войне были достигнуты в 1943 году в сражении на Курской дуге»*³⁷. [подчеркивание. – З.В.]

Если сравнивать Н.С. Хрущева с его преемником Л.И. Брежневым, то Никита Сергеевич был человеком довольно скромным: полководческими орденами «Победа» себя не награждал, как получил в 1943 г. персональное воинское звание генерал-лейтенанта, так в этом звании и ушёл на заслуженный отдых. Однако к своему боевому прошлому и участию в битвах минувшей войны тоже относился с большим трепетом. Ревностно следил за тем, как оно освещается в печати, даже в закрытых брошюрах, изданных крохотными тиражами. И если считал, что его вклад в победу недостойно отмечен, разносы устраивал нешуточные, на уровне правительства³⁸. Зная эту особенность, не только его «ближний круг», но и вся бюрократическая система после октябрьского пленума 1957 г. уже без дополнительных напоминаний активно заработала в указанном направлении. С учётом мнения первого секретаря в 1958 г. было оперативно подготовлено Постановление ЦК КПСС об издании шеститомной истории Великой Отечественной войны, в которой теме Курской битвы будет придано подобающее значение. Кроме того, было принято решение об усилении освещения её событий в печати, издании ряда научно-популярных книг на эту тему и сборников воспоминаний участников боёв.

Что касается развития военно-исторической науки в целом, то в это время, как и в прежние годы, оно шло по двум направлениям в военной и гражданской сфере, которые между собой соприкасались редко. Военные ученые, безусловно, лидировали, но широкой общественности результаты их труда были недоступны. В условиях секретности в подчиненных Министерству обороны СССР научно-исследовательских учреждениях и учебных заведениях для нужд армии анализировался и обобщался богатый опыт войны, хотя и не в таких масштабах, как в конце 1940-х. При рациональном подходе к делу часть разработок военных без ущерба для обороноспособности государства могли быть переданы гражданским историкам. Это, несомненно, дало бы положительный импульс для исторической науки в целом. Однако ещё в годы войны всё, что касалось действующей армии, засекречивалось, и в первую очередь то, что было связано с решениями её командования. Осознавая масштаб катастрофы первого периода Великой Отечественной и, понимая свою ответственность за колоссальные потери, высшее политическое и военное руководство СССР делало всё, чтобы скрыть от народа её реальные события. Эта тенденция сохранялась вплоть до развала СССР, так как организаторы и творцы провальных операций и сражений долгие годы после Победы продолжали находиться на важных партийных и государственных постах. Тотальная секретность считалась простым и надёжным средством сокрытия правды о неудобном прошлом и стирания из памяти народа целых десятилетий, которые не вписывались в идеологическую концепцию власти.

Понимая, что дальнейшее развитие военно-исторической науки в закрытом режиме малоэффективно, стремясь привлечь для активной творческой работы по военной тематике более широкий круг офицеров и генералов, а главное, создать официальный (значит, подконтрольный) канал распространения военно-исторических знаний, руководство СССР учреждает (восстанавливает) периодическое издание – «Военно-исторический журнал». Его пер-

³⁷ РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 272. Л. 37 обр.

³⁸ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 184. Л. 98, 99.

вый номер вышел в свет в январе 1959 г.³⁹ Как вспоминали некоторые члены редколлегии, они пришли на работу с большим желанием создать интересное, подлинно научное издание. И уже в первые годы он действительно стал лидером в борьбе за правдивое и всестороннее освещение истории Великой Отечественной войны, за распространение военно-исторических знаний; его публикации способствовали повышению общего методологического уровня советской исторической науки. Именно в этом журнале впервые начали печататься статьи, в которых авторы освещали Курскую битву по-новому, используя более широкую, чем раньше, источниковую базу для рассмотрения её ключевых сражений и проблем. Уже в шестом номере были опубликованы воспоминания бывшего командующего Центральным фронтом Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского о боях на Огненной дуге. Их ценность заключалась в том, что непосредственный участник тех событий рассказал, как вырабатывалось и принималось советским командованием решение на переход к преднамеренной обороне, какие факторы на это влияли, и какие цели ставила Ставка ВГК на первом этапе битвы.

Стремясь уйти от одностороннего освещения темы коренного перелома и ввести в научный оборот значимые источники германской армии, редакция журнала, уже в № 6, за 1959 г. впервые в СССР публикует документ командования вермахта по теме Курской битвы – телеграмму командующего группой армий «Центр» фельдмаршала Г. фон Клюге в адрес начальника штаба сухопутных войск от 18 июня 1943 г. с просьбой передать А. Гитлеру⁴⁰. В нём давалась оценка преимуществ, которые, по мнению фельдмаршала, получала советская сторона из-за того, что операция «Цитадель» неоднократно откладывалась и предлагалось как можно быстрее начать наступление. А через три года журнал публикует основополагающий документ операции «Цитадель»: оперативный приказ А. Гитлера № 6 от 15 апреля 1943 г.⁴¹ Он сопровождался комментарием полковника Б.Г. Соловьев⁴², в котором детально излагались общий замысел наступления, цели и задачи войск групп армий «Центр» и «Юг», привлекавшихся для его реализации, а так же их варианты действий в случае успеха.

Идея нашла живой отклик у читателей и специалистов, поэтому получила своё дальнейшее развитие. В 1966 г. это издание напечатало ещё один важный источник – выдержку из стенограммы совещания в Ставке А. Гитлера от 26 июля 1943 г.⁴³, которая наглядно свидетельствовала не просто о тяжёлом положении Берлина после срыва «Цитадели», а даже о некотором смятении. А ещё через два года журнал публикует блок из пяти документов с коммен-

³⁹ «Военно-исторический журнал» – ежемесячное издание МО РФ. Первый номер вышел в свет 29.8.1939 г. В 1939–1940 гг. журнал издавался как орган НКО СССР, в период с января по июль 1941 г. как орган Генштаба РККА. С началом Великой Отечественной войны его издание было прекращено и возобновлено только в 1959 г. В советский период журнал публиковал статьи, документы и материалы по истории, главным образом новейшей, начиная с Гражданской войны в СССР, мемуары и воспоминания деятелей Гражданской и Великой Отечественной войн, рецензии и научную информацию. В настоящее время освещает актуальные проблемы отечественной и зарубежной военной истории, военную политику РФ на всех этапах его становления и развития, историю военной науки и техники, деятельность выдающихся русских и советских полководцев и флотоводцев.

⁴⁰ К вопросу о подготовке плана «Цитадель»./Военно-исторический журнал.// 1959. № 6. С. 90–91.

⁴¹ Соловьев Б. О плане операции «Цитадель»./Военно-исторический журнал.//1962. № 1. С. 80–84.

⁴² Соловьев Борис Григорьевич (1917-197), полковник (1951), кандидат исторических наук. В 1940 г. окончил исторический факультет Саратовского пединститута. В Красную Армию призван в 1941 г. На фронтах Великой Отечественной войны с 02.1942 г. в должности адъютанта 264 олб 4 Уд А Калининского фронта. С 08. 1942 г. – на штабной работе, прошёл путь от помощника начальника штаба отдельного батальона до помощника начальника оперотдела штаба 4 УдА. С 01.1944 г. – старший помощник начальника отделения по изучению опыта войны, а с 01.1945 г. – начальник этого же отделения штаба 4 УдА. Войну закончил в звании майор, был награжден орденами «Красная Звезда», «Отечественная война» 2-й ст. и медалями. Затем непродолжительное время служил в штабе Степного ВО, а с 06.1946 г. по 30.10.1953 г. – в военно-историческом управлении Генштаба. В 1953 г. с отличием окончил военно-исторический факультет ВА им. Фрунзе. 31.12.1953 г. – научный сотрудник, затем начальник отдела редакции журнала «Военная мысль». 5.7.1969 г. назначен зам. начальника 3-го управления ИВИ МО СССР, а 16.3.1971 г. – главным редактором, руководителем авторского коллектива тома 5 редакции двенадцатитомника «История Второй мировой войны». С 22.04.1978 г. в отставке по возрасту.

⁴³ Военно-исторический журнал.//1966. № 6. С. 78–82.

тарием полковников Г.А. Заставенко и Б.Г. Соловьева⁴⁴. Эти источники были почерпнуты из сборника документов труда западногерманского исследователя Н.А. Якобсена⁴⁵ и относились непосредственно к планированию удара на Курск: «Проект операции «Цитадель» группы армий «Центр» от 12 апреля 1943 г.», «Оценка обстановки для проведения операции «Цитадель» и ее продолжения» командование 4-й ТА, приказы на операцию «Цитадель» 4-й ТА и армейской группы «Кемпф», а так же обращение Гитлера к офицерам армии перед началом наступления⁴⁶.

Все трофейные материалы, напечатанные в «Военно-историческом журнале» с 1959 по 1968 г., стали для отечественных историков важным источником, существенно расширившим их представление об истинных замыслах гитлеровского командования. Они позволили переосмыслить ряда устоявшихся представлений, в частности на планы Берлина в случае успешного завершения первой фазы наступления, и оказали определённое влияние на исследование истории Курской битвы в целом. Следует отметить, что и сегодня эти источники не потеряли своего значения. Однако их количество было явно недостаточно для понимания сути окончательного плана Берлина по срезу Курского балкона и дальнейшему ведению боевых действий на этом направлении летом 1943 г.

Эту серию документов существенно дополнил, вышедший в 1967 г. сборник «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы»⁴⁷. Статья об источниках по Курской битве, включенных в него, оказалась не просто кратким научным комментарием об истории их появления, а относительно подробным анализом плана германского командования на лето 1943 г. и процесса подготовки войск к удару на Курск, который был впервые проведенный на широкой базе трофейных источников. Вплоть до распада Советского Союза эта работа была наиболее полной и достоверной по данной проблематике. Она оказала серьёзное влияние на дальнейшие работы отечественных историков.

Содержательными, наполненными новыми данными явились публикации ведущего советского военного специалиста по Курской битве полковника Г.А. Колтунова⁴⁸, печатавшиеся в это время в «Военно-историческом журнале». Одной из особенностей работ Г.А. Колтунова был критический подход к обсуждавшимся проблемам. Например, в оценке уровня изученности ключевых проблем лета 1943 г. Так, в статье «Военно-историческая литература о битве под Курском» он впервые провёл довольно подробный анализ историографии Курской битвы с 1943-го по середину 1960-х годов и очертил круг вопросов, не решённых отечественной наукой на тот момент. Как наиболее значимые им были отмечены следующие проблемы: отсутствие описания рубежа обороны Степного военного округа, планирование

⁴⁴ Заставенко Г., Соловьев Б. Новые документы немецко-фашистского командования о Курской битве. // «Военно-исторический журнал». // 1968, № 8.

⁴⁵ Jacobsen H. A. 1939–1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959.

⁴⁶ Военно-исторический журнал. // 1968. № 8. С. 67–76.

⁴⁷ «Совершенно секретно! Только для командования!». Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М.: Наука, 1967. С. 488–516.

⁴⁸ Колтунов Георгий Автономович, полковник (1953), кандидат исторических наук. Родился 25.01.1916 г. в с. Обуховка Курской губернии. После окончания в 1939 г. исторического ф-та Московского пединститута им. В.И. Ленина призван в РККА. В марте 1941 г. окончил курсы младших лейтенантов. Первый бой принял 19.09.1941 г. на Брянском фронте в районе г. Глухов, будучи командиром взвода 744 обе 283 сд 3 А, в составе её прошёл путь до Берлина. С 4.02.1943 г. – командир 744 обе, с которым участвовал в Курской битве. 2.09.1943 г. – нач. штаба 109 осп, а с 5.0.5.1944 г. и до конца войны командир отдельного батальона связи этого полка. Войну закончил в звании майора, был награжден орденами Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды и медалями. В 1946–1947 гг. служил начальником штаба и командовал батальонами связи в Белорусском ВО. После окончания в 1949 г. военно-исторического ф-та ВА им. Фрунзе служил в военно-историческом управлении Генштаба. 6.4.1968 г. – переведён в ИВИ МО СССР на должность начальника группы. 16.03.1971 г. – зам. гл. редактора, руководителя авторского коллектива тома 5 редакции двенадцатитомника «История Второй мировой войны». С 08.04.1978 г. – в отставке по возрасту. Автор ряда книг и публикаций о Курской битве, наиболее известная его работа, подготовленная совместно с полковником Б.Г. Соловьёвым, – «Курская битва» (1970).

операций «Кутузов» и «Полководец Румянцев», их увязка с оборонительной фазой Курской битвы (Курской оборонительной операцией), оценка советской глубоко эшелонированной обороны и применение опыта её использования войсками Красной Армии в операциях в 1944–1945 гг. Например, именно он первым из советских учёных в открытой печати высказал важную мысль о том, что оборона под Курском не была типичной для Великой Отечественной войны: *«Здесь была сосредоточена крупная наступательная группировка советских войск. Это один из редчайших случаев в истории военного искусства, когда обороняющаяся сторона имела превосходство в силах и средствах... Всё это не дает никакого основания считать эту оборону, прежде всего группировку сил и средств, инженерное обеспечение и др., образцом, достойным для подражания»*.⁴⁹

Особо хочу остановиться на статье Г.А. Колтунова «Курская битва в цифрах (Период обороны)»⁵⁰, напечатанной в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1968 г. Она стала одной из наиболее важных публикаций по данной тематике за весь второй период историографии. В ней был приведён ранее не вводившийся в научный оборот большой массив статистического материала по численному составу, количеству вооружения и техники советских (Центрального и Воронежского фронтов) и германских войск, развёрнутых в начале июля 1943 г. в районе Курской дуги. Кроме того, были представлены сводные данные по оперативной плотности войск Центрального и Воронежского фронтов перед битвой, дана тактическая плотность и соотношение противоборствующих сил на участках прорыва советской обороны, а также приводились цифры темпа (среднего) продвижения германских войск в ходе операции «Цитадель» по дням. Вся информация была сведена в 14 таблиц и сопровождалась комментарием. Эта информация в тот момент имела очень важное значение, однако сразу следует отметить, что автором был допущен и ряд грубых ошибок, прежде всего в отношении войск противника, т. к. почти все они были расчётными и, как сегодня стало понятно, далёкими от реальности. Вместе с тем внимательный анализ немецких данных наводит на мысль, что цифры составлены таким образом, чтобы скрыть ошибку, которая была допущена советской стороной при подготовке Курской оборонительной операции. Как известно, тогда Москва сосредоточила значительно большие силы в полосе Центрального фронта, где вражеская группировка (9-я А) была заметно слабее, чем перед Воронежским. Таблицы же Г.А. Колтунова говорят о другом, что якобы 9-я А была более многочисленна, чем её соседи 4-я ТА и АГ «Кемпф» ГА «Юг». Не понятно, на каком основании, но в своих расчётах автор использовал также и данные по 2-й А, которая, как известно, не участвовала в операции «Цитадель». Кроме того, и при подсчёте, например, оперативной плотности войск в полосе АГ «Кемпф» на 5 июля 1943 г. автор допустил ошибку: два её корпуса, участвовавшие в наступлении (3-й тк и 11-й ак), были развёрнуты не на участке в 170 км, как он указал, а всего в 32 км⁵¹. Сегодня трудно понять специально это было сделано (под давлением цензурных органов), или автор, из-за отсутствия другой информации, был вынужден пользоваться цифрами, которые были подготовлены задолго до него на основе ошибочных разведданных. Но в любом случае в этой части его статья работала не в пользу научного подхода к проблематике, а на обоснование одного из мифов, сформированных советской пропагандой.

Тем не менее это был первый появившийся в открытой советской печати столь значительный массив статистического материала об этом событии. Он, безусловно, расширял кругозор гражданских историков, позволял, опираясь не на слова, как это было в значительной мере ранее, а на сухие цифры, представить реальный масштаб оборонительной фазы Курской битвы, оценить силы и средства Красной Армии, которые были развёрнуты на севере и юге

⁴⁹ Колтунов Г.А. Военно-историческая литература о битве под Курском// Военно-исторический журнал. 1963. № 7. С. 105.

⁵⁰ Колтунов Г.А. Курская битва в цифрах (Период обороны)//Военно-исторический журнал. 1968. № 6. С. 58–68.

⁵¹ National Archives and Records Administration USA (NARA USA). T. 312. R. 54. F. 7569611.

Курского выступа. К сожалению, статья стала не только первой, но и единственной подобного рода в советской историографии Курской битвы, поэтому часть отечественных исследователей используют данные из неё даже сегодня. Причём часто без критического анализа⁵².

И тем не менее происходившие в СССР перемены не оказывали заметного влияния на фундаментальные исследования в исторической науке. Примером этого может служить начавший выходить с 1958 г. 4-томник *«Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»*, подготовленный сотрудниками Генерального штаба. В нём не только излагались прежние, в том числе и ошибочные, взгляды и представления о битвах и сражениях (например, об участии 1500 бронеединиц в сражении под Прохоровкой), но и была допущена недооценка действий некоторых армий в крупных операциях, неверно указаны причины ряда неудач Красной Армии. Так, например, его авторы утверждали, что невыполнение задач войсками 5-й гв. ТА 12 июля 1943 г. было связано с *«отсутствием достаточного времени для подготовки контрудара»* и *«пассивностью действий 1 – й танковой, 5-й, 6-й и 7-й гвардейских армий, участвовавших в контрударе»*⁵³, хотя это не соответствовало действительности. Войска Ротмистрова начали сосредотачиваться в районе Прохоровки во второй половине дня 9 июля 1943 г., следовательно, для приведения себя в порядок после марша и подготовки боевых действий армия имела в запасе двое суток. По фронтовым меркам этого было вполне достаточно. Что же касается упрека в адрес других армий, якобы не участвовавших в контрударе, то и это утверждение далеко от исторической правды. Во-первых, именно активные действия 10-го тк 1-й ТА 12 июля сорвали разворот под Прохоровку на помощь 2-го тк СС моторизованной дивизии «Великая Германия», одного из самых сильных соединений 48-го тк 4-й ТА. Во-вторых, 5-я гв. А генерал-лейтенанта А.С. Жадова, действовавшая правее армии Ротмистрова, хотя и не выполнила задачу контрудара, а её стрелковые дивизии в излучине р. Псел по объективным причинам были вынуждены несколько отойти на восток, тем не менее не допустила прорыва своего рубежа, а мд СС «Мёртвая голова», по признанию самих немцев, потеряла здесь больше бронетехники, чем войска СС на направлении главного удара 5-й гв. ТА.

Важной особенностью военно-исторических изданий начала 1960-х гг. было описание общего хода боевых действия в полосе Центрального фронта летом 1943 г. и отдельных сражений его войск без особых перекосов и откровенных преувеличений, как это наблюдалось в отношении событий на юге Курской дуги. Например, оборонительные бои у ст. Понеры, которые в 1970-е годы станут сравнивать по масштабу с Прохоровским сражением, в книге *«Операции Советских Вооружённых сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»* оценивались лишь как *«поучительный пример упорства в обороне»*⁵⁴ 307-й стрелковой дивизии, а победа в них справедливо была отнесена за счёт высокой плотности наших сил, правильного использования частей и соединений различных родов войск и умело налаженного взаимодействия.

Одной из существенных негативных особенностей историографии Курской битвы этого периода, да и последующих лет было выпячивание заслуг отдельных армий, корпусов и даже дивизий в общей победе. Эта тенденция зародилась ещё в 1943 г. и была связана с желанием высокопоставленных генералов Красной Армии поучаствовать в «наградном марафоне» и с определённой косностью в работе военно-исторических подразделений Генштаба. После войны она продолжила развиваться, но на неё влияли уже иные факторы. Во-первых, военно-педагогическая и военно-научная деятельность П.А. Ротмистрова.⁵⁵ Во-вторых, участие Н.С. Хрущева в Курской битве в качестве члена Военного совета Воронежского фронта. Безудержным восхвалением деятельности Н.С. Хрущёва в годы Великой Отечественной войны

⁵² Например, Огненная дуга. М.: Звонница-МГ, 2003. С. 599.

⁵³ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1958. С. 248.

⁵⁴ Операции Советских Вооружённых Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1959. С. 241.

⁵⁵ С 1948-го по 1968 г. он возглавлял кафедру в ВА им. К.Е. Ворошилова, Бронетанковую академию, являлся помощником Министра обороны СССР по учебным заведениям.

были переполнены практически все публикации конца 1950-х и начала 1960-х годов. В угоду активно формировавшегося культа главы государства искажались важнейшие события, вымывались целые пласты из истории минувшей войны, вычеркивалась многомесячная, кропотливая, творческая работа больших коллективов армейских и фронтовых штабов по планированию и подготовке битв и сражений. Стремясь «идти в ногу со временем», некоторые авторы включали в свои труды целые абзацы, в которых описывалось, как Никита Сергеевич фактически выполняет функции командующего фронтом, без прямого на то распоряжения или хотя бы рекомендации последнего. Ярким примером подобного «творческого осмысления прошлого» могут служить статьи и брошюры П.А. Ротмистрова и книга бывшего члена Военного Совета 1-й гв. ТА Н.К. Попеля⁵⁶ «Танки повернули на запад»⁵⁷, опубликованные в этот период.

Для раздувания значения деятельности Н.С. Хрущёва в годы войны идеологические органы уже в начале 1960-х годов стали использовать и мемуары полководцев. Хотя в их узком кругу он, как военный специалист, мягко говоря, авторитетом никогда не пользовался. Тем не менее все чаще в статьях и воспоминаниях бывших командующих фронтами, а затем и армиями стали появляться хвалебные оды о его масштабной и кипучей работе. Так, например, К.К. Рокоссовский в сборнике *«На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве»* «рассказал» о том, как в период подготовки к летним боям 1943 г. в штаб Центрального фронта, которым он командовал, несколько раз приезжал член Военного совета (соседнего!) Воронежского фронта Н.С. Хрущев, чтобы проинформировать *«о сложившемся к тому времени вокруг Советского Союза положении»*⁵⁸. Как правило, полководцы и военачальники обладали непростыми характерами. Поэтому во избежание скандалов, которые они могли учинить, такие вставки обязательно согласовывались с ними «под роспись». Г.К. Жуков, не один год, боровшийся против подобных «вкраплений» в рукопись своей книги мемуаров (не понимая, как это можно маршалу и коммунисту так врать и пресмыкаться), в личном письме К.К. Рокоссовскому очень жёстко указывал по этому конкретному эпизоду: *«Я внимательно слежу за Вашими выступлениями в печати. И всегда жду от Вас правдивого описания истории операций. Но, увы! И Вы, Константин Константинович, оказываетесь, не лишены желания пококетничать перед зеркалом истории, некоего украшения своей личности и искажения фактов. Напомню лишь некоторые. Описывая подготовку войск Центрального фронта к Курской битве, Вы писали о выдающейся роли Хрущева Н. С. в этой величайшей операции. Вы писали, что он приезжал к Вам на фронт и якобы давал мудрые советы, «далеко выходящие за рамки фронтов». Вы представили в печати его персону в таком виде, что Хрущев вроде играл какую-то особо выдающуюся роль в войне. А этого-то, как известно, не было, и Вы это знали. Как Вам известно, с Хрущевым приезжал и я. Напомню, что было на самом деле: был хороший обед, за которым Хрущев и Булганин крепко подвыпили. Было рассказано Хрущевым и Булганиным много шуток, анекдотов, а затем Хрущев уехал в штаб Воронежского фронта,*

⁵⁶ Попель Николай Кириллович (1901–1980), ген. лейт. т/в. В РККА с 1920 г. С 1938 г. – военком 11-й мбр. В период репрессий принимал участие в написании политхарактеристик с «компроматом» на комсостав РККА. В начале войны – бригадный комиссар, комиссар 8-го мк. Возглавил подвижную группу корпуса, которая вела тяжёлые бои под Дубно, после чего частью сил вышла из окружения. 25.8.-8.12.1941 г. – член ВС 38А. С 09.1942 г. – военком 3-го мк. С 30.1.1943 г. и до конца войны член ВС 1 – й гв. ТА. В период подготовки и проведения Курской битвы сумел установить хорошие отношения с Н.С. Хрущёвым, который высоко оценил его деятельность в это время. 20.8.1943 г. за участие в Курской битве семь высокопоставленных политработников Воронежского фронта он представил к высоким наградам, троих, в т. ч. и Н.К. Попеля, к ордену Ленина, но Москва это ходатайство не поддержала. После войны жил в Москве, писал книги. Опубликовано: «В тяжкую пору» (1959), «Танки повернули на запад» (1960), «Бригада «Революционная Монголия» (1977), а также совместно с В.П. Савельевым и П.В. Шеманским «Управление войсками в годы Великой Отечественной войны» (1974). Записью и обработкой его воспоминаний занимался литературный критик Э.В. Кардин.

⁵⁷ Попель Н.К. Танки повернули на запад. М.: Воениздат, 1960.

⁵⁸ На Огненной дуге. Воспоминания и очерки о Курской битве. М.: Воениздат, 1963. С. 25.

а я остался во вверенном Вам фронте, где отрабатывались вопросы предстоящей операции с выездом в войска. Надеюсь, этого Вы еще не забыли?»⁵⁹.

Но наиболее масштабно и зримо эта пагубная тенденция проявилась в шеститомнике «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Вот как оценивал это издание бывший начальник Генерального штаба Красной Армии маршал Советского Союза А.М. Василевский: «... Читаешь многотомную Историю Великой Отечественной войны... и иногда удивляешься. В период подготовки Сталинградской операции и в период самой операции, в том числе в период самых ожесточенных боев с Котельнической группировкой немцев, я ездил из одной армии в другую, из одних частей в другие буквально все время в одной машине с Хрущевым. Он не вылезал из моей машины, всегда, где был я, был и он. Но вот читаешь эту историю, и в ней написано: «Товарищ Хрущев приехал туда-то», «Товарищ Хрущев прибыл на командный пункт в такой-то корпус», «Товарищ Хрущев говорил там-то и с тем-то» и так далее, и так далее. А где начальник Генерального штаба, так и остается неизвестным.

Ещё более странно описано в этой Истории планирование операции на Курской дуге. Из этого описания может создаться ощущение, что эта операция была в основном спланирована на Воронежском фронте, тогда как на самом деле для планирования этой операции съехались и участвовали в ней Жуков, Рокоссовский, я, Ватутин подъехал туда во время этой работы и Хрущев. Это действительно так, но не сверх того»⁶⁰.

Ему вторил Г.К. Жуков: «...Лакированная эта история. Я считаю, что в этом отношении описание истории, хотя тоже извращённое, но всё-таки более честное у немецких генералов, они правдивее пишут. А вот «История Великой Отечественной войны» абсолютно неправдивая. Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать»⁶¹.

В словах ключевых фигур Красной Армии минимум личного и обид за забвение. Действительно издание получилось откровенно ангажированным, в нём были упущены или задвинуты в историческое небытие ряд важных событий, крупных персонажей и существенных факторов, в том числе и тех, что реально влияли на решения советского и германского командование при планировании летней кампании 1943 г.

Так, в третьем томе при изложении событий на Украине в феврале-марте 1943 г. был сделан упор на срыв советскими войсками планов противника. Однако умалчивалось о поражении Воронежского и Юго-Западного фронтов, больших потерях их войск, оставлении значительной части, 150 км, уже освобожденной территории, в том числе и о сдаче врагу Харькова – крупного индустриального и административного центра. «Забыли» авторы упомянуть и о том, что не получили развития и начавшиеся в это время наступательные операции Центрального и Брянского фронтов. Были обойдены молчанием не только эти крупные неудачи в районе Курской дуги, но, что самое важное, до конца не были вскрыты их причины. Хотя, как известно, верные выводы из уже проведённых масштабных операций, даже неудачных, весьма продуктивны, т. к. не теоретически, а в ходе боевой работы выявляют наиболее слабые места в планировании и подготовке войск.

А ведь весной 1943 г. Ставка ВГК и Генеральный штаб анализировали и итоги трёхмесячного контрнаступления на юге советско-германского фронта, и обстановку, сложившуюся после отхода двух фронтов с Украины. Выводы оказались неутешительными: результаты боевых действий после Сталинграда могли быть более весомыми. По крайней мере, при правильном расчёте своих сил, трезвой оценке противника и складывавшейся ситуации, была реальная

⁵⁹ РГВА. Ф. 41107. Оп.2.Д. 13. Л. 30.

⁶⁰ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: АПН, 1988. С. 464, 465.

⁶¹ Никоноров А.В., Звонов В.И. и др. Маршал Советского Союза Г.К. Жуков (Хроника жизни). М.: Русская книга, 1998. С. 323.

возможность удержать уже освобождённые Харьков и Белгород. В то же время контрудар Манштейна продемонстрировал, что вооруженные силы Германии ещё сохраняли высокий боевой потенциал. В ходе тех сражений Красная Армия понесла не только значительные потери в живой силе, вооружении и технике, но удар был нанесён и по её престижу, что в тот момент имело немаловажное значение для имиджа СССР в мире. Этот трагический опыт заметно повлиял на настроение политического и военного руководства Советского Союза. Оно начало более осторожно и взвешенно оценивать собственные возможности и потенциал неприятеля. Это особенно ярко продемонстрировал процесс планирования обороны под Курском. Обладая численным превосходством во всех основных родах войск, накопив значительные оперативные и стратегические резервы, Москва сознательно передала инициативу противнику с тем, чтобы измотать его в оборонительных боях и лишь потом перейти к решительным действиям по окончательному освобождению страны от оккупантов. Гитлер же из трагедии на Волге и последовавшего затем отступления не извлёк должных уроков. Успех Манштейна в какой-то мере снял остроту «Сталинградской катастрофы», благодаря чему, несмотря на серьёзный риск, он всё-таки решился на проведение авантюрной, по сути, операции «Цитадель».

Ещё один существенный урок, который был извлечён советским командованием, касался средств и форм борьбы с бронетехникой противника. Танки по-прежнему определяли успех и при ведении обороны, и в ходе наступления. А операции «Скачок», «Звезда» и особенно оборонительные бои в марте 1943 г. под Харьковом и Белгородом ярко продемонстрировали, что бронетанковые войска вермахта сохранили высокую боеспособность. Поэтому в период стратегической паузы огромные усилия Москвы были направлены на создание новых образцов вооружения, совершенствование организационных форм артиллерии, ликвидацию «танкобоязни» личного состава действующей армии, на его обучение методам борьбы с новыми немецкими танками. И самое главное – вся оборона под Курском строилась как противотанковая и организовывалась на всю глубину армейской обороны. Это явилось одним из определяющих факторов успеха летом 1943 г., особенно на Воронежском фронте. К сожалению, все эти вопросы не нашли отражения в книге.

Кроме того, в шеститомнике не были освещены должным образом важные, но неудобные для советской стороны проблемы, возникшие уже в ходе Курской битвы. Например, причины прорыва главной армейской полосы Центрального фронта на всю глубину уже 5 июля 1943 г., хотя в этот момент его 13-я А обладала колоссальными силами, невыполнение замысла контрудара 12 июля 1943 г. на Воронежском фронте, ошибки в использовании танковых армий однородного состава на обоянском и прохоровском направлениях, низкий темп продвижения войск Центрального и Брянского фронтов в Орловской наступательной операции. Также не были вскрыты и проанализированы сложности, возникшие в первые дни оборонительной операции, с управлением войсками во 2-й ТА, которая действовала на направлении главного удара ГА «Центр».

Вместе с тем авторы этого фундаментального труда допустили и ряд фактических ошибок. Например, утверждалось, что командование ГА «Юг» к 10 июля 1943 г. отказалось от наступления через Обоянь и начало сосредотачивать большую часть соединений 4-й ТА у ст. Прохоровка, благодаря чему здесь к 11 июля 1943 г. была создана якобы небывалая за годы войны плотность бронетехники – 100 танков и САУ на 1 км фронта⁶². В действительности же от наступления из района Белгорода строго на север руководство группы Манштейна отказалось ещё в мае 1943 г., и в указанное время никакой перегруппировки в район Прохоровки не проводилось. На дальних подступах к станции по-прежнему продолжали действовать только дивизии 2-го тк СС, которые не являлись основными силами танковой армии Гота, а их численность авторы явно завысили, поэтому указанная плотность бронетехники не соответство-

⁶² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 272.

вала действительности. В шеститомнике также безосновательно утверждалось, что при проведении контрудара 12 июля 1943 г. 1-я ТА, 6-я гв., 7-я гв. и 5-я гв. армии участвовать в нём «в той мере, в которой ранее предполагало командование Воронежским фронтом... не могли», поэтому якобы «основная тяжесть сражения пала на 5-ю гвардейскую танковую армию»⁶³. Это не только искажало суть одного из самых значимых оборонительных мероприятий командования Воронежского фронта при отражении удара ГА «Юг» на Курск, но и умаляло роль воинов остальных пяти армий, задействованных в контрударе. Редакционная коллегия книги явно попала под влияние П.А. Ротмистрова, который выдвинул этот далекий от исторических реалий тезис ещё в 1960 г. в своей первой работе о Прохоровке. Чем-то иным объяснить совпадение точки зрения, изложенной в его мемуарах, и авторского коллектива книги, трудно. «Во время подготовки советских войск к контрудару, – писал Павел Алексеевич, – противник неожиданно нанёс сильный танковый и авиационный удар по этим армиям и теснил 1-ю гв. ТА и 6-ю гвардейскую общевойсковую армию в направлении Обояни, а часть левофланговых соединений 5-й гв. общевойсковой армии отбросил к Прохоровке. В результате эти армии не успели подготовиться к проведению контрудара 12 июля и в нём в этот день не участвовали. Противник не преминул этим воспользоваться»⁶⁴.

Это откровенная выдумка вновь повторяется через несколько страниц, свидетельствуя о том, что бывший командарм не просто заблуждался, а целенаправленно принижал роль соседей в контрударе. Подобные утверждения, часто встречавшиеся и в других публикациях П.А. Ротмистрова, стали причиной острого конфликта, вспыхнувшего в середине 1960 г. среди ветеранов Курской битвы. Откровенное игнорирование подвига сотен тысяч воинов этих армий и непомерное выпячивание своих заслуг надолго поссорили не только Павла Алексеевича, но и Советы ветеранов 5-й гв. ТА с товарищами по оружию – ветеранской организацией 1-й гв. ТА. Хотя впоследствии в работах, опубликованных начале в 1970-х годов, маршал пытался скорректировать свою точку зрения об участии в контрударе 5-й гв. А.

К сожалению, не обошлось в шеститомнике без ошибок при изложении хода боевых действий и в северной части Курской дуги. Так, в нём утверждалось, что 18-й гв. стрелковый корпус к 5 июля 1943 г. находился в резерве Центрального фронта⁶⁵. В действительности же он был передан командованию 13-й А ещё 29 марта⁶⁶ и к началу боёв составлял её второй эшелон. Подобные ошибки, безусловно, досадны, хотя и простительны для монографий или новых исследований, но, не для таких фундаментальных изданий, каким была «История Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», которую готовили лучшие в то время научные силы страны.

Ещё одной существенной негативной особенностью этого труда стало нивелирование индивидуальности (особенностей характера, стиля работы, полководческого почерка и т. д.) всех более или менее заметных и значимых фигур минувшей войны. Как точно подметил американский журналист А. Верт, работавший в 1941–1945 гг. в СССР, издание «страдает тем недостатком, общим для многих, хотя и не для всех советских книг о Второй мировой войне, – что он показывает, по существу, всех русских в точности похожими один на другого»⁶⁷. Подобный подход свидетельствовал не только о непонимании авторским коллективом значения индивидуальности личностей, находившихся в системе стратегического и оперативного планирования боевых действий, управления войсками, но прежде всего указывал на стремление тогдашнего руководства Советского Союза всеми средствами выделить особую

⁶³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 273.

⁶⁴ Ротмистров П.А. Танковое сражение под Прохоровкой. М.: Воениздат, 1960. С. 69.

⁶⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1961. С. 249.

⁶⁶ ЦАМОРФ. Ф. 62. Оп.321.Д. 5. Лл. 150, 151.

⁶⁷ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1966. С. 302.

роль Коммунистической партии и советской системы, лишить отдельного человека (советского солдата, полководца или рабочего на оборонном заводе) права на способность самостоятельно, по велению собственной совести совершать подвиг или выдающийся поступок при защите своего Отечества.

Подвергнутые справедливой критике сразу же после выхода из печати отдельные тома редколлегия была вынуждена срочно дорабатывать⁶⁸. Однако государственная система, выстроенная под «одного человека», была неспособна к трансформации. Поэтому никаких принципиальных изменений в переизданных книгах не произошло, удалили лишь технические ошибки и несколько расширили отдельные разделы. Глава о событиях на Огненной дуге тоже претерпела лишь «косметические» изменения.

Следует подчеркнуть, что в первой половине 1960-х годов тема Курской битвы была одной из самых обсуждаемых в советских СМИ. И причина этого крылась не только в личной заинтересованности Н.С. Хрущёва и его ближайшего окружения, хотя, безусловно, она имела существенное влияние. Но, на мой взгляд, определяющим всё-таки был идеологический фактор. Дело в том, что в период «хрущёвской оттепели» советскому народу впервые было рассказано о трагических событиях 1941–1942 гг., хотя и в очень урезанном виде. Тем не менее для большей части общества эффект был ошеломляющий. Целью этого было желание окружения Н.С. Хрущёва усилить процесс развенчания культа личности закреплением в общественном сознании тезиса, будто бы «И.В. Сталин командовал войсками по глобусу», тем самым усилить свою власть и влияние. Когда же результат был достигнут, то потребовался «антидот», т. е. мощный противовес первому периоду войны, чтобы негативные последствия поднятой информационной волны, нацеленной на имя Верховного главнокомандующего, в общественном сознании не были перенесены на КПСС и государство в целом. Для этого как нельзя лучше подходила Курская битва. Во-первых, она была и масштабной, и победоносной. Во-вторых, проходила летом, что до этого считалось неудачным временем года для ведения боевых действий Красной Армии. В-третьих, многие из её участников (генералы, крупные политработники и партийные функционеры) не только ещё находились «в строю», но и занимали высокие посты в государстве и армии. Поэтому появилась возможность решить идеологическую задачу и себя не забыть. В результате три месяца до начала июля и 50 огненных суток июля и августа 1943 г. стали «дежурной» темой не только в преддверии юбилеев, но в той или иной форме годами присутствовали на страницах советской прессы и в радиоэфире.

Нельзя не признать, что помимо отсутствия у руководства СССР заинтересованности в глубоком научном изучении Великой Отечественной войны, на качество исторических исследований в это время оказывали влияние также и объективные факторы. Во-первых, недостаточные знания советских историков о военной стратегии Советского Союза в годы войны и их неподготовленность к работе по данной проблематике. Во-вторых, база доступных архивных источников была крайне скудной. Как и в прежние годы вся оперативная и значительная часть отчётной документации фронтов и армий за 1941–1945 гг.

по-прежнему находилась на секретном хранении и не была доступна исследователям. Вместе с тем много архивных дел периода войны находилось в беспорядке, документы были не систематизированы и разбросаны по различным военным учреждениям и ведомствам. А.М. Василевский свидетельствовал: *«Удивительное дело, как мы мало пользуемся документами. Прошло 20 лет со времени окончания войны, люди вспоминают, спорят, но спорят часто без документов, без проверки, которую легко можно провести. Совсем недавно, разыскивая некоторые документы, я обнаружил в одном из отделов Генерального штаба огромное количество документов. Донесения, переговоры по важнейшим операциям войны, которые с абсолютной точностью свидетельствуют о том, как в действительности происходило дело. Но с самой*

⁶⁸ Напр., исправленный 3-й том вышел в 1964 г.

войны и по сегодняшний день как эти документы были положены, так они и лежат. В них никто не заглядывал»⁶⁹.

Следует назвать и ещё одну важную проблему, касавшуюся источников. Бывший член редакции «Военно-исторического журнала» полковник В.М. Кулиш писал: *«Ставка ВГК и ГКО в области стратегического управления войсками оставили мало документов. И. В. Сталин, озабоченный соблюдением секретности, а может быть, и по другим соображениям запрещал участникам совещаний вести записи без его указания. Они, как вспоминали Жуков, Василевский и другие, должны были запоминать принятые решения и указания, а затем, возвратившись в свои кабинеты, по памяти записывать их в секретные тетради. А такие тетради, согласно правилам о секретном делопроизводстве, периодически уничтожались специальной комиссией. Так эта группа источников исчезла, другие важные оперативные документы были просто потеряны»*⁷⁰.

Сложности с документальными источниками стратегического характера были известны не только военным историкам, но и руководству ЦК КПСС и МО СССР, как и то, что они создавали существенную проблему в их работе. Поэтому в середине 1960-х г. было принято решение издать специальный многотомный труд *«Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны»*⁷¹. Такой шаг, безусловно, мог бы повысить уровень знаний учёных-историков и положительно повлиять на качество их исследований. Однако этого не случилось, первые книги начали печататься в тот момент, когда стрелка барометра общественно-политической жизни страны отошла от значения «оттепель» и чётко указывала на «заморозки». Настоящие научные исторические труды не только перестали интересовать власть, но более того, она сочла их вредными. Однако вышедший в 1969 г. третий том этого издания, посвящённый в том числе и Курской битве, всё-таки сыграет свою положительную роль. Ровно через 30 лет собранные в нём материалы войдут в тематический сборник, который будет опубликован издательством «ТЕРРА» в 1999 г. и станет событием в научной жизни нашей страны.

И тем не менее, несмотря на перечисленные проблемы, оценивая достижения советской исторической науки в части изучения событий лета 1943 г., как, впрочем, и минувшей войны в целом за весь послевоенный период, следует признать, что 1960-е годы были наиболее продуктивными. Большой по объёму и довольно результативный труд военных и гражданских историков, безусловно, способствовал воспитанию советских людей в духе преданности не столько КПСС, а, прежде всего, своей Родине и народу. Вместе с тем лучшие представители научного сообщества не без основания считали, что обобщенный опыт прошлого не только важен для защиты государства, повышения боеспособности его военной организации и формирования идеологии. *«Знание истории, – писал А.Г. Грылёв, – в том числе и военной, духовно обогащает человека, расширяет его кругозор, способствует широте мышления»*⁷². Можно с уверенностью утверждать, что ряд работ, опубликованных в это время, в полной мере отвечал этим целям. Некоторые из них даже сегодня не потеряли свою актуальность, потому что их авторы с большим уважением относились к славным делам военного поколения советского народа, насколько это было возможным, старались не заниматься демагогией и пустым славословием, а честно анализировали достижения и промахи, собирая по крупицам бесценный опыт и знания о минувшем нашей страны.

⁶⁹ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. М.: Новости, 1988. С. 465.

⁷⁰ Военно-исторический журнал//2009. № 8. С. 66.

⁷¹ Сборник документов Верховного главнокомандования за период Великой Отечественной войны/Под ред. А.Н. Грылёва. В4Т. М.: Воениздат, 1968–1969.

⁷² Советская военная историография в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период//Военно-исторический журнал. 1968. № 3. С. 86.

Активно в это время развивалась и мемуарная литература. Из всех авторов воспоминаний наиболее откровенным в изложении и оценке событий под Курском (учитывая исторические реалии того времени), последовательным в отстаивании своих взглядов на отдельные ключевые моменты битвы был маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В его книге *«Воспоминания и размышления»*, опубликованной в 1969 г., как и в трудах почти всех советских военачальников и полководцев, чётко прослеживается желание задвинуть в тень неудавшиеся операции, в которых он выступал как ключевая фигура, например, «Марс» и «Полярная звезда». Что же касается летней кампании 1943 года, то о ней Георгий Константинович пишет настолько откровенно, насколько это тогда было возможно, учитывая, с каким трудом шло согласование с властными структурами вопроса издания его мемуаров⁷³. Во-первых, он откровенно признал, что при планировании обороны под Курском Ставка ВГК (в том числе и он лично) допустила серьёзный просчёт в определении направления главного удара вермахта. Ожидалось, что основные силы германское командование бросит против Центрального фронта (ГА «Центр»), в действительности же наиболее мощная группировка вермахта была сосредоточена перед Воронежским фронтом (ГА «Юг»). Эта ошибка имела существенное негативное влияние на ход первого этапа битвы. По сути, все, что делали первые две недели июля 1943 г. фронт Ватутина и Ставка, было нацелено на исправление этого просчёта.

Во-вторых, маршал довольно самокритично отметил, что проведённая вечером 4 июля и в ночь на 5 июля 1943 г. контрартиллерийская подготовка, ранее официально признававшаяся как успешная⁷⁴, ожидаемого результата не принесла. Раскритиковал он и попытки авиации Воронежского и Юго-Западного фронтов нанести удары по немецким аэродромам на рассвете 5 июля, отметив, что они *«полностью не достигли своей цели»*⁷⁵.

В-третьих, Г.К. Жуков открыто выступил против самовосхваления П.А. Ротмистрова и созданного им мифа, будто его армии в ходе боёв под Прохоровкой сыграли решающую роль в срыве наступления всей ГА «Юг». Хотя впервые об этом читатель узнал лишь в 1990 г. из опубликованного (уже без купюр) десятого издания его мемуаров⁷⁶.

В-четвёртых, он объективно оценил результаты оборонительной фазы Курской битвы в полосе Воронежского фронта и отмёл необоснованное утверждение, будто бы его руководство неверно спланировало оборону и действия своих войск, поэтому немцы прорвали его рубеж на глубину до 35 км, в то время как силы ГА «Центр» увязли в обороне Центрального фронта на первых 12–15 км⁷⁷. Эта точка зрения впервые была изложена маршалом в статье, опубликованной в сентябрьском номере за 1967 г. «Военно-исторического журнала»⁷⁸, а затем развита в книге воспоминаний.

С приходом к власти в СССР в октябре 1964 г. нового руководства в общественно-политической жизни начался отход от принципов, которые пытались во время «оттепели» внедрить в науку передовые советские учёные. Брежневское руководство взяло курс на сворачивание возникшей в научной среде и в печати (на страницах «толстых» журналов, «Военно-исторического журнала») относительно свободной дискуссии по важным проблемам истории минувшей войны. Уже 9 августа 1967 г. даже лауреат шести Сталинских премий, известный советский прозаик К.М. Симонов в письме заведующему отделом культуры ЦК КПСС В.Ф. Шауро подчёркивал, что в стране *«неумеренно разросшаяся цензура»*, а её активность приняла *«за последнее время небывалые размеры»*⁷⁹.

⁷³ См. Миркина А.Д. Не склонив головы/Маршал Жуков: полководец и человек. М.: АПН, 1988. С. 47–78.

⁷⁴ Напр., История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. М.: Воениздат, 1964. С. 257, 263.

⁷⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1969. С. 483.

⁷⁶ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 10-е изд. Т. 3. М.: Новости, 1990. С. 57.

⁷⁷ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости, 1969. С. 490, 491.

⁷⁸ Военно-исторический журнал//1967. № 9. С. 88.

⁷⁹ Симонов А. «Мне с каждым днём всё тяжелее жить и работать...»//Родина. 2015. № 11. С. 51.

Переломным в этом отношении стал именно 1967 год. В Постановлении ЦК КПСС от 14 августа 1967 г. *«О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве»* перед советскими историками была поставлена главная задача: сосредоточить усилия на разработке проблем, раскрывающих решающую роль КПСС и народных масс в разгроме нацизма в годы Великой Отечественной войны⁸⁰. Для достижения этой цели партийными и государственными органами был принят ещё ряд руководящих документов, детализировавших их дальнейшую деятельность. На первом этапе главные усилия были нацелены на ликвидацию начатого XX съездом КПСС процесса десталинизации. Правящая элита стремилась полностью сохранить государственную систему управления, созданную И.В. Сталиным. Поэтому она не была заинтересована в том, чтобы преступление власти того периода, колоссальные людские и материальные потери Красной Армии, ошибки, допущенные по вине политического и военного руководства СССР, стали достоянием гласности. Наоборот, имя Верховного главнокомандующего стали всё чаще извлекать из исторического небытия, а всё, что было связано с трагическими страницами истории, замалчивать или активно «ретушировать». О том, какие настроения в отношении этой важной проблемы доминировали в руководстве страны, свидетельствует высказывание Министра обороны СССР Д.Ф. Устинова⁸¹ на заседании Политбюро ЦК КПСС 12 июля 1984 г., когда бывшие соратники Н.С. Хрущёва пошли на беспрецедентный шаг, восстановив в партии В.М. Молотова, одного из главных организаторов политических репрессий в стране. *«Ни один враг не принёс столько бед, – заявил тогда Д.Ф. Устинов, – сколько принёс нам Хрущёв своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина»*⁸².

Идеологическим и цензурным органам была дана установка: усилия средств массовой информации, издательств и редколлегий сосредоточить на освещении выдающейся роли КПСС в организации отпора гитлеровским захватчикам, массового героизма советских людей в годы войны и описании победоносных операций Красной Армии. Коллективам учёных, занимающимся общественными науками, было «рекомендовано», опираясь на метод исторического материализма и принцип партийности в исторической науке, сделать упор на раскрытие передового характера советской военной науки, выдающейся организаторской роли Коммунистической партии в борьбе за победу и т. д. *«Откуда же сейчас, в шестидесятые годы, опять возник миф, что победили только благодаря Сталину, под знаменем Сталина? – задавал вопрос в своей книге фронтовик, автор пронзительных воспоминаний о Великой Отечественной профессор Н.Н. Никулин. – У меня на этот счёт нет сомнений. Те, кто победил, либо полегли на поле боя, либо спились, подавленные послевоенными тяготами. Ведь не только война, но и восстановление страны прошло за их счёт. Те же из них, кто ещё жив, молчит, сломленный. Остались у власти, сохранили силы другие – те, кто загонял людей в лагеря, те, кто гнал в бессмысленные кровавые атаки на войне. Они действовали именем Сталина, они и сейчас кричат об этом. Не было на передовой: «За Сталина!» Комиссары пытались вбить это в наши головы, но в атаках комиссаров не было. Всё это накопилось...»*⁸³

Ситуацию с изучением событий 1941–1945 гг. усугубили и решения, принятые ещё в период нахождения у власти Н.С. Хрущёва. В начале 1960-х годов в руководстве СССР владела точка зрения о том, что будущая война, если она разразится, будет носить характер

⁸⁰ Косицын А.П., Недавий А.Л., Поминаева Т.А. Основные законодательные акты по государственному строительству и праву. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 75, 76.

⁸¹ Д.Ф. Устинов (1908–1984), маршал Советского Союза (1976). С 1941 г. по 1953 г. – народный комиссар и министр вооружения СССР, с 1953 г. по 1957 г. – министр оборонной промышленности СССР, с 1957 г. по 1965 г. – заместитель, первый заместитель Председателя Совета министров СССР, с 1965 г. по 1976 г. – секретарь ЦК КПСС, с 1976 г. по 1984 г. – Министр обороны СССР. С 1966 г. по 1976 г. – кандидат в члены, а с 1976 г. по 1984 г. – член Политбюро ЦК КПСС.

⁸² Артизов А., Сизачёв Ю. Реабилитация//Родина. 2003. № 2. С. 48.

⁸³ Никулин Н.Н. Воспоминания о войне. СПб. Изд-во Государственного Эрмитажа, 2008. С. 46.

ракетно-ядерной дуэли. Поэтому традиционная структура военной организации страны с опорой на обычные виды вооружения будет якобы постепенно себя изживать. Следовательно, опыт прежних войн (в первую очередь Великой Отечественной), который изучался военными историками и воплощался в новые уставы, наставления и другие регламентирующие документы, должен был остаться в прошлом. После оглашения в 1963 г. новой военной доктрины тенденция на сворачивание Генштабом научных военно-исторических исследований Великой Отечественной и передача этой функции гражданским учёным начала усиливаться. Её кульминацией стало создание в августе 1966 г. Института военной истории (ИВИ), который должен был стать в стране головным научно-исследовательским учреждением в области военной истории. По форме он был военным (относился к Министерству обороны СССР), но по содержанию работы стал придатком Главного Политуправления Советской Армии, читай ЦК КПСС. Если раньше для военных историков при изучении битв и сражений главным критерием оценки были новые знания, то теперь во главу угла ставилась политическая целесообразность. Поэтому в ходе исследований и побед, и поражений должен был быть извлечён в первую очередь полезный опыт, который помогал бы командирам выработать методы рационального мышления, находить в трудных условиях боя правильные решения и т. д. В научную жизнь активно внедрялся тезис: «История в первую очередь мощное средство политической борьбы и в прошлом десятилетия её недооценили». Поэтому ИВИ стал главным инструментом по наведению «должного порядка в этой запущенной за время правления Хрущёва отрасли пропагандистской работы».

На многие значимые издания и публикации по военной проблематике в период пребывания у власти Н.С. Хрущёва было наложено клеймо «субъективизма». Поэтому в 1966 г. ЦК КПСС принял Постановление об издании двенадцатитомной «Истории Второй мировой войны». Параллельно с этим при Главпуре СА формируется специальная группа для редактирования рукописей и контроля за издаваемой военно-исторической литературой, в первую очередь воспоминаниями полководцев и военачальников о Великой Отечественной войне. Из мемуаров, готовившихся к печати, начали вымарываться целые абзацы и даже разделы как не соответствующие современным подходам, и дописывались новые, далёкие от исторической правды, но «нужные» для пропагандистской работы.

Однако деятельность «брежневского» руководства по переписыванию истории войны сразу же вызвала резкое неприятие ещё находившихся «в строю» фронтовиков, в том числе генералов и маршалов. Далеко не все, но многие из них справедливо оценили эти шаги власти не как возвращение к исторической правде, а как попытку создать «новую историю под нового Генерального секретаря ЦК КПСС». В письме, направленном в 1967 г. начальнику ИВИ генерал-майору П.А. Жилину⁸⁴, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев писал: *«Лично мне кажется, что пытливые читатели ожидают от учёных-историков не только описание хода боевых действий с нашей стороны. Их уже немало опубликовано и публикуется. К сожалению, большинство их, т. е. статей, бесед, воспоминаний, мемуаров, как-то схожи между собой. Они во многих случаях носят налёт некоторой приедающейся хвalebности в адрес ряда военачальников, описания подвига отдельных бойцов, политработников, командиров, партизан... Нужны ведь не только хвalebные реляции, но и кропотливое исследование малого, на чём покоится большое и где присутствует наука»*⁸⁵.

⁸⁴ Жилин Павел Андреевич (1913–1987) – ген. – лейт. (1968), доктор исторических наук (1956), профессор (1961), член-корреспондент АН СССР (1968), лауреат Государственной премии СССР (1952), военный историк. Участник Великой Отечественной войны. С 1946 по 1958 г. – на военно-научной работе в Генштабе. 1958–1964 гг. – заместитель гл. редактора «Военно-исторического журнала». 1964–1966 гг. – проректор Академии общественных наук при ЦК КПСС. С 1966 г. основатель и первый начальник ИВИ МО СССР. Заместитель председателя главной редакционной комиссии «Истории Второй мировой войны 1939–1945 гг.». Автор ряда монографий по военной истории России начала XIX в. и первого периода Великой Отечественной войны.

⁸⁵ Яковлев Н.Д. «Советские вооруженные силы значительно превосходили вермахт по боевому обеспечению» // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 19, 21.

Свое нежелание мириться с расширявшимся процессом мифологизации некоторые военачальники выражали в попытках написать и опубликовать честные мемуары. Однако в тех условиях добиться этого было практически невозможно. Большинство же фронтовиков, кому было что сказать о той войне, уже не верили в возможность донести правду до советского человека через печатное слово. *«Я лично крайне сомневаюсь в том, что возможно восстановить истинный ход событий [Курской битвы. – З.В.]... — писал в 1969 г. директору музея Курской битвы при Доме офицеров г. Курска М.П. Бельдиеву участник боев на Огненной дуге подполковник Е.И. Шапиро⁸⁶. – Процесс фальсификации истории принял такие страшные размеры, что восстановить истинный ход событий не только не по силам одному человеку, но и любому Обществу [имеется в виду военно-историческое общество, которое в это время существовало в Курске. – З.В.], какими бы добрыми намерениями оно ни было преисполнено. В извращении исторических событий заинтересовано большое количество людей, поэтому я не верю, что Ваши благие намерения увенчаются сколь-нибудь серьёзным успехом»⁸⁷.*

К сожалению, это мнение человека, прошедшего горнило Великой Отечественной, точно отражало ситуацию, сложившуюся к тому времени в Советском Союзе. Об этом же свидетельствует и бывший член редколлегии «Военно-исторического журнала» В.М. Кулиш, которому по долгу службы приходилось получать указания от людей, проводивших политику КПСС в Советской Армии. *«В беседе с генералом Н.Г. Павленко [гл. редактор журнала. – З.В.] и мной, — пишет бывший журналист, — начальник Главпура СА генерал А.А. Епишев сам принцип партийности перевёл на более доступный язык. Он сказал: «Там, в «Новом мире»⁸⁸, говорят: подавай им чёрный хлеб правды. На кой чёрт она нужна, если она нам невыгодна». Идея деления исторической правды на выгодную и невыгодную нашла широкое распространение в партийно-пропагандистской и исторической литературе. Истолкование партийности в науке, таким образом, было сведено к тому, что принцип научности исследования стал противопоставляться принципу политической целесообразности»⁸⁹. А.А. Епишеву принадлежит и ещё один «бессмертный» тезис, определявший цель тогдашней власти и практически закрывший путь к поступательному развитию советской военной истории. Вот как он прозвучал из уст начальника Главпура СА в ходе беседы с генералами и маршалами 17 января 1966 г.: «Мы не можем допустить, чтобы в открытой печати критиковали военачальников»⁹⁰.*

И тем не менее в это время некоторые военные историки ещё пытались достучаться до мыслящей части партии и общества. Осознавая, что поколение победителей уходит, а важные проблемы войны не только не находят отражения в трудах отечественных учёных, но и начался активный процесс свёртывания научных разработок, составители сборника материалов военно-практической конференции, посвящённой 25-й годовщине победы на Огненной дуге, под редакцией генерал-майора И.В. Паротькина, высказали смелое и вместе с тем актуальное для того времени пожелание: *«При изучении Курской битвы необходимо обращать внимание не только на положительный, но и отрицательный опыт, поскольку последний бывает не менее ценным для изучения практических вопросов... При исследовании... крайне желательно подвергнуть специальному рассмотрению вопрос о потерях, показав при этом соответствие затрат достигнутым результатам. Всестороннее раскрытие этого важного вопроса позволило бы сравнить вклад фронтов и армий в общее дело разгрома врага под Курском, дало бы возможность более объективно оценить роль отдельных объединений и воен-*

⁸⁶ С середины июля 1943 г. — командир 507-го сп 148-й сд 13-й А Центрального фронта.

⁸⁷ Личный архив автора.

⁸⁸ Старейший ежемесячный литературно-художественный журнал («толстый») либеральной направленности, выступавший против замалчивания преступлений сталинской эпохи и пропагандировавший идеи демократического социализма.

⁸⁹ Кулиш В.М. Военно-исторический журнал в 1959–1967 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 8. С. 69.

⁹⁰ «Мы напрасно сейчас дерёмся» // Родина. 2005. № 5. С. 97.

начальников в достижении победы в Курской битве»⁹¹. К сожалению, этот призыв историков-фронтовиков так и остался не реализованным вплоть до конца минувшего столетия.

Помимо официальной цензуры существенное влияние на правдивость, информативность и степень детализации событий в книгах высокопоставленных участников войны, в том числе и Курской битвы, оказывал ещё один важный фактор, о котором редко пишут историки, – это самоцензура, т. е. «не желание выносить сор из избы». Это качество характера у многих авторов сформировалось под воздействием не только общественной атмосферы, но и суровых условий долгих лет службы в армии. Из воспоминаний генерала армии Г.И. Обатурова: «В 1986 г. мне пришлось на эту тему [о неудачных боевых действиях под Никоподем в 1944 г. – З.В.] беседовать с Д.Д. Лелюшенко.

– Почему Вы, Дмитрий Данилович, в своей книге ничтожно мало написали об ожесточенных боях 3-й гвардейской армии на Никопольском направлении? – спросил я.

– А кому интересно писать о неудачных боях? Описывая неудачи, я должен был сказать, как расплачивался за грехи соседей и начальников повыше.

– Неудачи часто учат больше, чем удачи, что и нужно нашей офицерской молодежи, – упорствовал я.

– Если тебе, Обатуров, нравится копаться в дерьме, то ты и пиши, а я этим заниматься не намерен.

Жаль, что во многих воспоминаниях описания проигранных боёв и операций не делаются»⁹².

Дискуссия, развернувшаяся после XX съезда КПСС, издание большими тиражами разнообразной военно-исторической и мемуарной литературы, публикация подлинных документов, выход в свет третьего тома «Истории Великой Отечественной войны» не только расширили знания нашего общества о событиях периода коренного перелома в борьбе с фашизмом, но и подготовили почву для появления в 1970 г. наиболее известной и долгие годы широко использовавшейся как учёными, так и публицистами книги военных историков Г.А. Колтунова и Б.Г. Соловьёва «Курская битва»⁹³. Она была написана на основе ранее не опубликованных в открытой печати отчётов офицеров Генштаба при штабах фронтов и армий. В беседе со мной полковник Г.А. Колтунов вспоминал, что изначально она задумывалась как упрощённый вариант исследования офицеров Генштаба, подготовленного в конце 1940-х годов с расчётом на более широкую аудиторию, в помощь гражданским историкам и идеологическим работникам. Именно это обстоятельство и предопределило её направленность. Наряду с довольно подробным рассмотрением ряда проблем планирования Курской оборонительной операции и летней кампании в целом, подготовки войск к обороне, строительства рубежей, хода боевых действий, её авторы значительное внимание уделили критике западных исследований и мемуарной литературе, а также партийно-политической работе в войсках.

Вместе с тем в этом издании была предпринята попытка научно обосновать ряд уже установившихся в общественном сознании и историографии мифов о событиях на Огненной дуге. В частности, подробно рассматривалась проблема численности бронетехники, участвовавшей в бою 12 июля 1943 г. под Прохоровкой, и анализировалось то, из чего складывалась огромная цифра 1500 танков. Кроме того, в книге Г. А. Колтунова и Б.Г. Соловьёва была продублирована легенда, сформированная ещё в 1943 г. в отчёте Военного совета Воронежского фронта, о том, что окружения 5 гв. Сталинградского танкового корпуса, выдвинутого в ночь на 6 июля 1943 г. на прохоровское направление, не было. Кроме того, в их труд был включен и ещё ряд незначительных, но, как показало время, очень живучих мифов. Например, об огненном таране,

⁹¹ Курская битва/Под ред. И.В. Пароткина. М.: Наука, 1970. С. 456.

⁹² Обатуров Г.И. Дороги ратные крутые. 1995. С. 240.

⁹³ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.С. Курская битва. М.: Воениздат, 1970.

который якобы совершил командир взвода танков 1-й гвардейской танковой бригады 1-й ТА лейтенант В.С. Шаландин. *«Героически сражался экипаж комсомольца москвича гвардии лейтенанта В. С. Шаландина... в составе механика-водителя гвардии старшего сержанта В. Г. Кустова, заряжающего гвардии сержанта П.Е. Зеленина и стрелка-радиста гвардии старшего сержанта В.Ф. Лекомцева, – читаем мы в книге. – Экипаж подбил два немецких танка «тигр» и один средний танк. Вскоре от вторичного прямого попадания загорелась машина наших танкистов. Задыхаясь в дыму, Шаландин ещё пытался стрелять прямой наводкой, но повреждённая пушка плохо повиновалась раненому командиру. Тогда он решил таранить вражеский «тигр». Объятая пламенем тридцатьчетверка пришла в движение и врезалась всей своей массой в борт «тигра». Вражеский танк загорелся, его бензобаки взорвались. Объятый пламенем, погиб и экипаж гвардейцев. Указом Президиума Верховного Совета СССР В. С. Шаландину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза»⁹⁴.*

В 1970-е годы таран экипажа Шаландина советской пропагандой был превращён в символ стойкости наших солдат в Курской битве. О нём публиковали очерки, снимали фильмы и слагали стихи. Вот лишь один пример, широко известные строки из произведения белгородского поэта В. Татянина «После боя»: *«...Здесь Шаландин в грозном сорок третьем/ вёл свой танк горящий на врага.../Ты спроси – и скажут даже дети,/что такое Курская дуга»⁹⁵*. Но если обратиться к документам, например, к наградному листу В.С. Шаландина, который подписал его прямой начальник – командир 2-го тб 1-й гв. тбр майор С.И. Вовченко (в таких материалах командиры не упускали возможности поярче описать подвиг представляемого к награде), то мы из него действительно узнаем о примере настоящего героизма и стойкости танкистов, отдавших жизнь в борьбе с врагом. Однако в нём нет даже упоминания о таране. *«Несмотря на непрерывную бомбёжку и артиллерийский огонь противника, тов. Шаландин в течение 10 часов героически вёл бой, – отмечается в документе. – ...Тов. Шаландин сгорел в танке на том самом месте, где было приказано держать оборону его взводу»⁹⁶*.

Если следовать логике авторов книги, то погибнуть в танке, до конца выполнив приказ, ещё не подвиг, а погибнуть, совершая таран, – это пример для потомков. Подобный подход к оценке героических дел, по сути, девальвировал тяжёлый каждодневный солдатский труд. Поэтому после войны фронтовики недобрым словом поминали подобного рода выдумки и их творцов, политработников. Чему я не раз был свидетелем.

И, тем не менее, нельзя не согласиться с профессором К.В. Яценко, который подчёркивал, что *«появление этой книги [Г.А. Колтунова и Б.С. Соловьёва. – 3.В.] знаменовало собой важную веху в развитии исследований истории Курской битвы»⁹⁷*. Вместе со сборником статей под редакцией И.В. Паротькина она явилась существенным успехом советских ученых, который дал импульс для развития нашей военной исторической науки. Эти издания стали добротным фундаментом, они во многом определили вектор развития исследований Курской битвы вплоть до начала 1990-х годов. Несмотря на значительную идеологическую составляющую и ошибочное толкование отдельных событий, их авторы уже в новых общественно-политических реалиях сумели чётко закрепить достигнутый к тому времени уровень научных знаний по данной проблеме. Тем самым был поставлен некий барьер на пути процесса переписывания истории войны брежневским руководством, начавшегося в середине 1960-х годов.

В последние двадцать лет существования СССР научный подход к изучению Курской битвы практически полностью был вытеснен. Как точно заметил В.А. Золотарёв, историография войны *«...постоянно находилась под контролем ЦК КПСС и во многом превратилась в*

⁹⁴ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.С. Указ. соч. С. 148, 149.

⁹⁵ Третье поле. Крестьянское дело. Белгород, 1998. С. 110.

⁹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 54. Л. 42.

⁹⁷ Яценко К.В. Курская область в период Великой Отечественной войны: историография. Курск, 2006. С. 20.

отрасль партийной пропаганды»⁹⁸. В это время головной организацией по изучению военной истории страны окончательно становится Институт военной истории. По сути, он стал монополистом при подготовке всех значимых изданий о Великой Отечественной. В плане работы его «Научного совета по координации исследований в области военной истории» на 1976–1980 гг. значилось 211 тем (в т. ч. в форме монографий – 47, докторских – 26 и кандидатских диссертаций – 138). Из них свыше 100 тем должно было быть «*посвящено исследованию опыта идейно-политической работы партии в армии и на флоте, её военно-организаторской деятельности на фронте и в тылу, а также на территории, временно оккупированной противником*»⁹⁹, 54 – связаны с исследованием военной теории и практики (оперативного искусства и тактики), в том числе 26 – по военному искусству Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Объяснение такому подходу в 1975 г. дал тогдашний начальник института генерал-лейтенант П.А. Жилин. Он заявил, что «*фактическая и историческая часть Великой Отечественной войны у нас изучена и в основном описана... Сейчас в СССР главным направлением исторической науки является исследование Второй мировой войны. Глубокая марксистская разработка этой темы имеет актуальное значение для науки, политики, идеологии*»¹⁰⁰. Вот так, не больше и не меньше! Поэтому советским учёным надо глубже анализировать роль партии в военном строительстве и бороться с фальсификацией истории на Западе. А свою историю мы отдадим на откуп проверенным советским писателям и кинематографистам, чтобы они ярче представили примеры единения партии и народа в то суровое время. Это утрированная, но, по сути, точная оценка партийного подхода к изучению истории войны, которая доминировала в 1970-1980-е годы.

В это время любая публикация рассматривалась с точки зрения идеологической целесообразности и не более. Во всех крупных научных и научно-популярных изданиях чётко прослеживается тенденция перехода от анализа «факта и цифры» к поверхностному изложению событий, сосредоточение внимания не на сути проблем и их причинах, а на военно-политической составляющей победы, «раздувании» роли отдельных сражений и подвигов, причём не редко «подправленных» или просто выдуманных от начала до конца.

Научные публикации потеряли глубину и конкретность, а важные направления исследований отодвигались на второй план. В работах подавляющего большинства авторов по тематике Курской битвы уровень подготовки и успехи советских войск, профессиональные качества советских генералов, стойкость и мужество красноармейцев при описании любых, даже трагических для Красной Армии эпизодов, обязательно были выше, чем у противника. Монографии военных учёных не только перестают печатать, но и те, что уже были опубликованы, при переиздании цензура и идеологические органы стремились выхолостить до предела, не останавливаясь перед «сжиманием в объеме» в несколько раз. Наглядным примером может служить новый вариант книги Г.А. Колтунова и Б.С. Соловьёва «*Курская битва*»¹⁰¹, которая вышла в свет в 1983 г. Она заметно отличалась от предыдущего варианта, опубликованного в 1970 г., и существенно меньшим объёмом (было 400 страниц, стало 127), и характером изложения материала. Из научного труда она превратилась в популярную брошюру. И всё это происходило на фоне пустых рассуждений высокопоставленных военных и политических деятелей СССР о том, что «*приобретённый Вооружёнными силами СССР боевой опыт в этой тяжёлой и длительной войне [Великой Отечественной. – З.В.] является нашим бесценным*

⁹⁸ Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны//Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 3.

⁹⁹ Военно-исторический журнал//1975. № 6. С. 108.

¹⁰⁰ Жилин П.А. Военная история и современность//Военно-исторический журнал. 1975. № 5. С. 76.

¹⁰¹ Колтунов Г.А., Соловьёв Б.Г. Курская битва. М., 1983.

достоянием, нашей гордостью, одним из источников дальнейшего развития советской военной науки»¹⁰².

Основными изданиями этого периода, в которых была представлена уже новая версия официальной истории, в том числе и событий под Курском, стали двенадцатитомник *«История Второй мировой войны 1939–1945»*¹⁰³ и *«Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк»*¹⁰⁴. Главный редактор многотомника министр обороны СССР маршал Советского Союза А.А. Гречко писал, что *«это фундаментальное обобщение с позиции марксизма-ленинизма Второй мировой войны не только в советской, но и в мировой историографии. Подготовка капитального труда по истории Второй мировой войны – это не только опыт коллективного творчества, но и опыт разработки единой концепции советской исторической науки по важнейшим проблемам мировой войны»*. В действительности же, кроме внешнего оформления и выдержек из докладов Л.И. Брежнева, издания не несли ничего принципиально нового, да и не ставилась перед ними такая цель. Интересны в этой связи воспоминания уже цитировавшегося выше полковника В.М. Кулиша, который был лично знаком со многими авторами этого труда: *«Издание новой 12-томной истории Второй мировой войны было поручено специально созданному для этой цели Институту военной истории. Но работа затягивалась, недоставало соответствующих источников и материалов. Чтобы ускорить процесс, не нашли ничего лучше, чем воспользоваться изданными или готовившимися к печати мемуарами Г. К. Жукова, А.М. Василевского, А.А. Гречко, И. С. Конева, К.А. Мерецкова, К. К. Рокоссовского и других. Но так как они готовились вскоре после XX съезда КПСС, потому по своему содержанию не во всем подходили в качестве источника для нового издания, при Главпуре СА и ВМФ учредили специальную группу. Перед ней поставили задачу соответствующей доработки и редактирования отобранных произведений»*¹⁰⁵. То есть сначала писали источники, как это требовалось «сверху» (проще говоря – фальсифицировали источниковую базу), а потом на их основе готовили двенадцатитомник. Вот так создавался это «фундаментальный труд», да и, в общем-то, и вся история Великой Отечественной.

Но на этом процесс «сотворения истории» минувшей войны не завершался. Ведь многие ветераны были ещё живы и занимались литературным трудом. Поэтому эти сфальсифицированные академические издания были превращены в эталон для оценки всех военно-исторических работ и мемуаров по Великой Отечественной войне. *«По указанию ЦК КПСС, – вспоминает бывший сотрудник ИВИ МО РФ В.О. Дайнес, – все мемуары проходили строгую проверку на предмет соответствия их 12-томной «Истории Второй мировой войны» и 8-томной Советской военной энциклопедии. В институте был создан отдел военно-мемуарной литературы, который вносил правки в воспоминания участников войны. Приходилось этим заниматься и автору данной книги [В.О.Дайнесу. – В.З.]. Времена были такие...»*¹⁰⁶.

О том, как на практике функционировал этот «идеологический фильтр» и как он влиял на качество изданий даже известных и уважаемых авторов, на примере своей книги воспоминаний рассказывал маршал Советского Союза А.М. Василевский: *«Когда шла в Политиздат моя книга, её сразу, конечно, взяли под контроль. Послали на отзыв в Институт марксизма-ленинизма. Я, конечно, дал туда рукопись: мол, хорошо, проверяйте... Читал её сотрудник института Миносян. Он всё проверил и позвонил мне. Говорит: «Александр Михайлович, всё, всё правильно. Я Вашу рукопись верну». А сам... взял да и отправил (как потом мне объяснили, «по указанию инстанции») в Институт военной истории замполиту Махалову. А тот раз-*

¹⁰² Гречко А.А. Наука и искусство побеждать//Правда. 1975. 19 февр.

¹⁰³ История Второй мировой войны 1939–1945. М.: Воениздат, 1976

¹⁰⁴ Великая Отечественная война. Краткий научно популярный очерк/Под ред. П.А. Жилина. М.: Политиздат, 1973.

¹⁰⁵ Военно-исторический журнал//2009. № 8. С. 68.

¹⁰⁶ Дайнес В.О. Василевский А.М. М.: Вече, 2012. С. 440.

обиделся, поднял шум: почему не сразу в наш институт? Здесь рукопись стали «мариновать», придираться к мелочам... был у меня потом разговор по этому вопросу с начальником Института военной истории генералом Жилиным. Он мне: «Александр Михайлович, отношение нашего института к Вам замечательное, мы перед Вами преклоняемся» и т. д. Но я-то вижу, что эти слова не всегда подкрепляются делом. Короче говоря, после всех просмотров и проверок некоторые места из рукописи, а потом и корректуры моей книги буквально вытравились под предлогом «нежелательности» или какой-то «секретности»¹⁰⁷.

В это время не только было мало честной военной мемуарной литературы, но она и не была востребована. Так как для её восприятия отсутствовали необходимые условия. Система общественных наук в 1970-1980-е годы полностью закоснела, проводить, а не имитировать научную работу было просто невозможно. Обычный же читатель для понимания и осмысления крупных войсковых операций должен был иметь подготовку и определенный уровень правдивых знаний по теме, а именно этого и стремились не допустить органы цензуры. Ибо понимание истинного хода войны, внутренней взаимосвязи событий, причин побед и поражений обязательно приводило к возникновению вопросов, связанных с государственной политикой и состоятельностью ключевых фигур в руководстве страны. А в условиях закрытого общества, каковым был СССР, буйным цветом цвели лишь мифы и легенды, такие как о грандиозном сражении у Прохоровки.

Главным «историографом» этого сражения в 1970-е годы продолжал оставаться П.А. Ротмистров. Его статьи и книги выходили из печати с завидной регулярностью. Например, в 1972 г. была опубликована работа «Время и танки», в которой не только повторялись привычные дифирамбы 5-гв. ТА и прозорливости её командования, но Павел Алексеевич попытался ещё и развить выдвинутый им в 1964 г. в беседе с полковником Ф.Д. Свердловым тезис о том, что 12 июля 1943 г. его армия якобы решила стратегическую задачу за весь Воронежский фронт¹⁰⁸. Нелепость этого утверждения было очевидно даже неспециалистам. Вот как отзывался об этом труде известный белгородский краевед, ветеран войны А.С. Стеценко в письме полковнику Г.А. Колтунову: «Недавно попалась мне книга П.А. Ротмистрова «Время и танки». До Курской битвы я с удовольствием читал автора... Но как только на страницах повествования появляется Прохоровка, так здесь Ротмистров на коне с обнажённой саблей. Показав роль 5-гв. ТА в Прохоровском контрударе, автор отмечает, что, используя этот успех (5-гв. ТА), перешли в наступление войска Брянского фронта и левого крыла Западного фронта¹⁰⁹. М. Попов¹¹⁰ и А. Соколовский¹¹¹, видите ли, ждали результатов Прохоровского сражения и лишь потом перешли в контрнаступление. Выходит, что войска двух фронтов вводились в сражение в зависимости от успеха Ротмистрова. Как это шито белыми нитками. Пропадает весь интерес к авторскому повествованию»¹¹². Однако мнение соотечественников Павла Алексеевича, судя по всему, особо не волновало, поэтому подобного рода идеи он продолжал генерировать и в дальнейшем.

К началу 1980-х годов в историографии Курской битвы чётко обозначается две важных особенности. Во-первых, легенда о Прохоровке приобрела небывалый, даже, можно сказать, колоссальный по размаху масштаб. К ней обращалось столь значительное число авторов различных работ, что она почти полностью затмила остальные сражения Курской битвы на южном фланге. В результате произошла удивительная метаморфоза, отдельные исследователи и

¹⁰⁷ Там же. С. 439, 440.

¹⁰⁸ Свердлов Ф.Д. Неизвестное о советских полководцах. М.: Биографический клуб, 1995. С. 56.

¹⁰⁹ Ротмистров П.А. Время и танки. М.: Воениздат, 1972. С. 156.

¹¹⁰ Командующий Брянским фронтом.

¹¹¹ Командующий Западным фронтом.

¹¹² Личный архив автора.

мемуаристы, особо не вникая в суть проблемы, термин из арсенала пропаганды военной поры, «прохоровский плацдарм» стали применять для обозначения всей территории, где вели оборонительные сражения войска Воронежского фронта в июле 1943 г., без привязки к станции Прохоровка. В этот «плацдарм» были включены события, происходившие не только на прохоровском направлении, но и на обоянском и восточнее Белгорода.

Во-вторых, литература о боевых действиях у этой небольшой станции из научно-исторической стала перерождаться в военно-художественную, формально оставаясь первой. Если до этого момента книги писали, как правило, историки или участники битвы, и в них основное внимание уделялось крупным вопросам сражения, то теперь ситуация изменилась коренным образом. Вместо изучения сражения подавляющее большинство авторов начало заниматься его популяризацией, и, как правило, люди это были далёкие от военной истории и армии, но с большим творческим «запалом». Всё чаще стали появляться издания, где вместо анализа боевой работы войск на широкой архивной базе источников шло поверхностно-схематичное изложение событий, не имевших между собой внутренней взаимосвязи, вперемешку с цитатами из поэтических произведений, газетных публикаций и пропагандистских листовок¹¹³. А описание кульминационных моментов сражений в подобных трудах было схоже с полётом мысли авторов эпических художественных произведений. Вот, например, как В.И. Кардашов в книге «5 июля 1943 г.» подаёт начало контрудара 5-й гв. ТА: *«В 8.30 утра 12 июля контрудар начался. Примерно в это же время в атаку пошли фашистские танки. Грянул встречный бой! Пусть читатель в погожий день выйдет в просторное колхозное поле. Будь это весна, лето или осень, почти наверняка в поле, рядом или в отдалении, трудится трактор или комбайн, и звук мотора отчётливо слышен даже на расстоянии двух-трёх километров, особенно если ветерок дует с той стороны. Если же трактор или комбайн приблизятся, то шум их моторов становится достаточно сильным. Пусть читатель представит, что на обычном поле длиной в пятнадцать и шириной всего в несколько километров съехались не одна-две машины и даже не десять, а 1200! И моторы их работают неравномерно, как то полагается в повседневной мирной работе, а рывками: то взревут, то сбавят обороты, то опять взревут...*

Пусть читатель представит, что эти машины не просто движутся друг другу навстречу, но и ведут, не жалея снарядов, лихорадочный артиллерийский огонь. Кроме танков, огонь ведет, и тоже из сотен стволов, противотанковая артиллерия. Беспрерывно рвутся тысячи снарядов, и если они попадают в цель, то за этим нередко следует взрыв боеприпасов боевой машины, и тогда многотонные баини танков взлетают в воздух и отлетают на десятки метров!..

Пусть читатель вообразит, что спустя всего час-два всё это поле будет покрыто сотнями горящих и взрывающихся машин, и дым от них, удушливый и едкий, смешавшись с пылью от взрытой гусеницами, взорванной, распятой земли, плотной пеленой застелет все вокруг и поднимется огромным столбом в небо. А там, в этом небе, сходятся в смертельных схватках десятки и сотни истребителей и бомбардировщиков, и сбитые самолеты тоже падают и взрываются на том же поле...

Пусть читатель попытается представить себе всё это, а затем вспомнит и осознает, что всё это должен был выдержать и вынести на себе наш советский воин, вынести и сражаться, сражаться до конца... На прохоровском поле развернулся

*Смертельный бой не ради славы,
Ради жизни на земле!...»¹¹⁴*

¹¹³ Напр.: книги М. Дёмина «Родина зовёт» и Р. Мазуркевича «Сплав мужества и стали».

¹¹⁴ Кардашов В. 5 июля 1943 г. М.: Молодая гвардия, 1983. С. 151.

То, что в приведённом выше отрывке нет и толики правды (за исключением даты), ни автора, ни издателей не волновало в принципе. Подобные героические опусы составлялись якобы для более доходчивого изложения молодому поколению героического прошлого. В действительности же цель была иной: опустить над теми событиями «дымовую завесу» поплотнее, чтобы понадежнее скрыть всё, что не положено было знать обычному советскому человеку о минувшей войне.

Как известно, история имеет не только большую познавательную ценность. Это неисчерпаемый клад практического жизненного опыта народа, приобретённого тяжёлым трудом, кровью и переживаниями, который не теряет с годами свою значимость и актуальность, особенно в морально-этическом плане. Использование этого опыта в современных реалиях помогает более эффективно решать насущные проблемы нашей жизни. Перебрасывая мостик из прошлого в настоящее, мы сохраняем тесную связь поколений, которая и является прочным фундаментом любого здорового общества. Подобные же книги наносят огромный вред. Подменяя реальные события истории всякого рода выдумками, они подрывают эту основу, девальвируют опыт прошлых поколений, а значит, веру молодёжи в морально-нравственные ценности, заложенные нашими предками, подрывают уважение к ним. И, что крайне важно, они губят у молодых живое стремление узнать настоящую, не приукрашенную жизнь предков, их подлинные свершения и подвиги. Причём работают эти «мины замедленного действия» на протяжении десятилетий, подобно постепенно растворяющемуся опасному химикату, который, попадая в почву, губит всё живое вокруг.

Глубоко убежден, какими бы мотивами ни руководствовались люди, искажавшие события минувшей войны, они наносили непоправимый вред не только истории как науке. Их усилиями формировалось ложное восприятие прошлого нашего Отечества у идущих им на смену поколений, а молодежь воспитывалась на надуманных, оторванных от реальной, земной жизни образах героев, у неё создавалось искажённое представление о делах и советских людях той страшной и героической поры.

Примерно с середины 1970-х годов предпринимается попытка создать Прохоровку-2 на северном фланге Огненной дуги, т. е. «поднять» бои в районе станции Поньри до масштаба Прохоровского сражения. Но «проект» не увенчался успехом. Эта идея возникла у местных властей под влиянием ветеранских организаций, часто проводивших встречи на местах бывших боёв в Курской и Орловской областях. Москва необходимости в этом не нашла, а областных ресурсов (материальных, кадровых, доступа к государственной системе пропаганды) для реализации замысла не хватало. Поэтому всё ограничилось проходящими публикациями в газетах да выпуском брошюр из серии «В помощь агитатору» с незатейливым текстом, рассказывающим о том, что судьбу немецкого наступления на Курск летом 1943 г. решили два сражения на юге – под Прохоровкой и на севере у станции Поньри.

Как и о боях под Прохоровкой, о сражении за Поньри широкая общественность нашей страны впервые узнала благодаря военным репортёрам. В начале июля 1943 г. известный прозаик и журналист подполковник К.М. Симонов, будучи в командировке на Центральном фронте, провёл несколько наиболее напряжённых суток Курской битвы в войсках 13-й А, которая обороняла, в том числе и район Поньрей. Результатом этой поездки стали несколько статей, опубликованных им в «Красной Звезде»¹¹⁵. Их главными героями были воины 129-й отдельной танковой бригады полковника Н.В. Петрушина, которая сыграла важную роль при отражении удара противника на этом участке. Но, к сожалению, ни в одной из публикаций по требованию военной цензуры название станции не было упомянуто. Из-за этого о том, что события, описанные К.М. Симоновым, происходили у Поньрей, стало известно позже. Тем не менее его статьи – это интересный, подробный и главное написанный со слов очевидцев и

¹¹⁵ «Немец с «Фердинанда» (14.07), «Охотник за «пантерами» (16.07), «Второй вариант» (22.07).

участников сражения, материал, который для исследователя и сегодня имеет определённое значение. Впервые в связи с битвой под Курском название этой станции в открытой печати было упомянуто в поэме «Поныри», напечатанной в «Комсомольской правде» 20 августа 1943 г.¹¹⁶ Её автор – известный поэт, майор Е.А. Долматовский, в то время служил в газете Центрального фронта «Красная Армия» и был очевидцем сражения.

В своём произведении он талантливо описал героизм советских воинов, проявленный в боях за эту крохотную часть русской земли. Естественно, поэма не имела никакого отношения к научному исследованию сражения, она стала первым большим поэтическим произведением о событиях на Курской дуге и настоящим памятником защитникам её северного фаса. В 1946 г. она была издана отдельной брошюрой¹¹⁷ и, к сожалению, вместе со статьями К.М. Симонова, продолжительное время являлась единственным доступным для широкой общественности письменным источником информации о сражении у станции летом 1943 г.

Кстати, интересная деталь. Одна из тех июльских статей К.М. Симонова «Охотник за «пантерами»¹¹⁸ легла в основу одного из советских мифов о том, что немецкие самоходные установки «Фердинанд» и танки «Пантера» – это одно и то же, следовательно, и использовалась эта техника и на северном, и на южном фесе Курской дуги. Дело в том, что даже сразу после завершения «Цитадели» в войсках Красной Армии ещё не было ясности в том, что «Фердинанд» и «Пантера» – это название разных образцов вооружения. К.М. Симонов же, посвятив свой материал боевым делам лейтенанта А.В. Ерохина, командира танка 129 отбр, который со своим экипажем якобы¹¹⁹ подбил шесть «Фердинандов», назвал статью «Охотник за «пантерами». Кроме того, в уста своего героя он также вложил слова однозначно говорящие, что на фронте «Фердинанда» называют «Пантерой». Через некоторое время в той же «Красной Звезде» была помещена статья специального корреспондента подполковника Л. Высокостровского с рассказом о «Фердинандах» и «Тиграх»¹²⁰ и об особенностях их применения противником, а о «Пантерах» – ни слова. При отсутствии иной информации, статья известного писателя, вышедшая в одном из самых массовых советских изданий, наряду с публикациями в армейских газетах его коллег по перу, сыграла свою роль – в общественном сознании, исторической литературе и даже в музеях постепенно закрепилось мнение, что «Фердинанд» и «Пантера» – один и тот же тип бронетехники. Об этом наглядно свидетельствует подпись к фотографии, которая была размещена в первой послевоенной экспозиции Курского краеведческого музея, посвященной событиям июля 1943 г. В ней чётко указано: «Подбитые самоходные пушки «Фердинанд»/они же «пантеры»/Орловско-Курское направление. 28.07.1943 г.»¹²¹ (смотри фото в первой вкладке).

Вплоть до развала СССР в научной литературе обороне Понырей особого значения не придавалось. Ни гражданскими, ни военными учёными не было подготовлено ни одной отдельной работы по этой проблеме. Не уделяли большого внимания сражению и средства массовой информации. Первая официальная версия событий у станции была опубликована лишь в 1953 г. в Большой советской энциклопедии. В ней справедливо отмечено, что *«утром 5 июля 1943 года... два танковых корпуса 9-й немецко-фашистской армии направили свои удары на Ольховатку и Поныри, стремясь прорваться к Курску на кратчайшем направлении. Вспомо-*

¹¹⁶ Комсомольская правда//1943. 20 авг. С. 4.

¹¹⁷ Долматовский Е.А. Поныри. Поэма. Курск, 1946.

¹¹⁸ Красная Звезда//1943. 16 июля. С. 4.

¹¹⁹ Командира 2-й тб 129-й отб капитан Салюков, в котором служил лейтенант А.В. Ерохин, представляя его к ордену Отечественной войны 2 степени за бои под Понырями, отмечал, что он и его экипаж за 5–7 июля 1943 г. подбили не 6 «Фердинандов», а 3 танка Т-6.

¹²⁰ Красная Звезда // 1943. 24 июля. С. 3.

¹²¹ Фото обнаружено в фондах Курского государственного краеведческого музея.

гательный удар нанесли армейский корпус северо-восточнее Поньрей в 5 час. 30 мин. и танковый корпус северо-западнее от Ольховатки в 7 час. 30 мин.»¹²².

Однако уже в начале 1960-х г. подход к изложению событий изменился, и начало сражения стали описывать по-иному: противник нанёс главный удар только в направлении Ольховатки, но, встретив здесь упорное сопротивление, через несколько дней после начала Курской битвы якобы развернул основные силы на Поньри (чего в действительности не было). Однако и этот манёвр врага также успехом не увенчался, благодаря стойкости и мужеству советских воинов. Такая трактовка событий, например, приведена в Советской исторической энциклопедии¹²³

¹²² Большая советская энциклопедия. Т. 24. М., 1953. С. 116.

¹²³ Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965. С. 322.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.